

Санкт-Петербургский государственный университет
Направление Филология
Образовательная программа
«Литература и культура народов зарубежных стран»

Пилявец Анна Сергеевна

ТОПОС ПАРИЖА В РОМАНАХ П. МОДИАНО

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор

В. Д. Алташина

Рецензент:

к. ф. н. А. В. Клименок

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

Тема данной магистерской диссертации – топос Парижа в автобиографии Патрика Модiano (род. 1945) «Родословная» (2005) и последующих романах «Кафе утраченной молодости» (2007), «Горизонт» (2010) и «Ночная трава» (2012).

Цель работы – определить роль топоса Парижа в жизни и творчестве писателя и проанализировать образ Парижа, который создается на страницах произведений Патрика Модiano. Также необходимо выявить индивидуально-авторские черты городского топоса в произведениях данного писателя и определить степень влияния авторских воспоминаний и восприятия Парижа в процессе написания романов.

Этой цели подчинены следующие задачи:

- Дать краткую биографию Патрика Модiano, проанализировать основные места Парижа, которые упоминаются в автобиографии, определить их значимость в жизни писателя.
- Проанализировать топос Парижа в романах «Кафе утраченной молодости», «Горизонт» и «Ночная трава». Определить значимые парижские места в восприятии центральных персонажей, охарактеризовать эти места.
- Провести сравнительный анализ между Парижем из воспоминаний Патрика Модiano и тем Парижем, который складывается на страницах его романов, определить степень влияния реальных жизненных факторов, выявить индивидуально-авторские черты городского топоса данного писателя.

Объектами исследования выступают автобиография «Родословная» (2005) и романы «Кафе утраченной молодости» (2007), «Горизонт» (2010) и «Ночная трава» (2012), предмет исследования – фигурирующий во всех романах образ Парижа, подвергшийся изменениям под воздействием авторских воспоминаний и воображения.

Научная новизна работы заключается в малой изученности этого французского писателя – лауреата Нобелевской премии 2014 года, - не только в России, но и у себя на Родине, и рассмотрении несомненно значимой для его творчества темы, связанной с анализом города, который является одним из центральных персонажей его романов.

Актуальность исследования связана с тем, что произведения этого нобелевского лауреата переводятся на русский язык и регулярно издаются как в журнале «Иностранная литература», так и отдельными изданиями, в то время как информация о самом авторе, его творческой специфике является скудной. Также актуальность определяется вниманием современных исследователей к топике в целом и топосу города в частности.

Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные терминологической проблеме «топоса» (М. Ю. Лотман, С. Х. Ляпин, В. Ю. Прокофьева, Т. В. Субботина, В. Н. Топоров, Ю. Г. Пыхтина), Парижу и образу Парижа (Н. А. Белова, Е. В. Кузнецова, О. Н. Кузьменко, Л. Н. Набилкина, А. А. Рубан, Э. Н. Шевякова, Н. А. Рудикова, С. Lefeuvre, M. de Rochegude), городскому топосу (М. С. Васильева, Н. О. Осипова, В. Г. Туркина) и творчеству Патрика Модиано (Н. А. Литвиненко, Ю. С. Трофимова, К. Kohoutová, M. van Montfrans, A. Ruth, B. Roux, M. Vando).

События романов Патрика Модиано разворачиваются преимущественно в пределах Парижа. И этот город играет очевидную значительную роль в творчестве данного французского писателя. Так как предметом исследования является топос Парижа, то стоит определить, что понимается под «топосом» в данной работе. Мы понимаем под «топосом» «значимое для художественного текста (или группы художественных текстов - направления, эпохи, национальной литературы в целом) «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства» [28, с. 89].

Город – это всегда особая точка, с которой связана определенная мифологема, сакральное построение, экзистенциальное переживание. Он всегда связан с круговоротом, циклом, и, будучи даже самым маленьким, он всегда является центром, имеющим окрестности. Это пространственно развивающаяся структура. Помимо горизонтальной, он имеет еще и вертикальную составляющую – растет ввысь. К городу применимы только многоуровневые смыслы понятия «пространство». Здесь уместно упомянуть Аристотеля, для которого пространство – это место и вместительность объектов, Лейбниц полагает пространство как порядок существования всего данного или являемого в чувственном восприятии. Городское же пространство – это комплекс пространств, где основополагающее – физическое пространство, многоструктурное образование. Потенциальная многомерность – одна из основных отличительных особенностей города, как специфического виртуального пространства. Его размерность может изменяться в зависимости от времени и координат, и именно для подобных пространственных построений в неоклассической топологии и виртуалистике также введено понятие «топоса» [37, с. 74]. В настоящее время принято считать, что существование топоса есть неперемное условие виртуализации реальности и наоборот, виртуализация обуславливается появлением топоса. Они связаны с искусственным созданием виртуальных миров с творческими процессами. Городское пространство обладает основным свойством топоса – оно изменчиво и динамично [37, с. 75]. Людей, живущих в городе, также характеризует подвижность, в восприятии двух человек образ одного и того же города будет отличаться. Пространство города включает в себя не только всевозможные здания и сооружения, но также является хранилищем различных знаков, кодов, возможностей и так далее. Не только стыковка, но и перекодировка осуществляется в пределах городского пространства. Как и архитектурное сооружение, город представляет собой гигантского масштаба конструкцию в пространстве, это временное искусство, хотя в нем редко можно сохранить последовательность, для каждого человека она будет

собственной. У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с той или иной частью города, персональный образ пронизывается воспоминаниями и значениями. Воспринять город целиком невозможно, это всегда фрагментарность, акцент на деталях, поэтому город представляется как гигантский и постоянно меняющийся коллаж. Также парадоксом виртуального бытия является время и возможность как угодно на него влиять. Ускорение и замедление осуществляется при помощи многочисленных приемов, порой нарушая линейность, перемещение из прошлого в будущее и назад осуществляется беспроблемно. В некоторых случаях время может даже замирать. Память, играющая важную роль в романах Модiano, это тоже инверсия времени. «В этих условиях город приобретает черты топоса – пространства с динамически меняющимися топологическими и метрическими характеристиками. Характеристиками городского топоса являются динамичность и изменчивость, хаотичность ландшафтных и архитектурных характеристик, эмансипация, отсутствие единой четко выраженной структуры.

Таким образом, город в целом виртуализируется, приобретая специфические свойства виртуальных феноменов» [37, с. 78].

Город (и в частности Париж) играет большую роль в творчестве Патрика Модiano, о чем он говорил и в своей Нобелевской речи. Помимо того, что он, по собственному признанию, обязан своим рождением Парижу периода Оккупации, прогулки по городу сделали из него писателя. Интерес к местам, которые его окружают, истории, старым телефонным справочникам помогали писательскому воображению работать, давали необходимую точность, фундамент для творчества. Анализ Парижа ведет к детальному прочтению произведений этого современного автора, позволяет более глубоко изучить творчество Патрика Модiano, который является одним из самых значимых французских писателей современности. Автобиография, написанная им в 2005 году, в какой-то степени оказывается переломной работой, в которой переосмысливается прошлое. Последующие романы,

исследуемые в данной работе, находятся под несомненным влиянием автобиографии.

Диссертация состоит из трех глав. Первая включает в себя краткую писательскую биографию, а также анализ автобиографии и парижских адресов, встречающихся на ее страницах. Отмечается значимость и восприятие наиболее часто встречающегося или детально описанного конкретного адреса в жизни и воспоминаниях Патрика Модяно.

Вторая глава, состоящая из трех подглавок в соответствии с изучаемыми романами, – это исследование парижского топоса в литературных произведениях писателя, изданных после «Родословной». Основное внимание уделяется решению поставленных задач, поиску и предъявлению аргументации, сходств и различий, а также достижению конечной цели исследования.

Третья глава представляет собой сопоставительный анализ топоса Парижа в автобиографии Патрика Модяно (2005) и последующих изданных романах (2007 – 2012).

Заключение подводит итоги проделанному исследованию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПАРИЖ И «РОДОСЛОВНАЯ» ПАТРИКА МОДИАНО

1.1 Патрик Модиано и его «Родословная» (2005).

Жан Патрик Модиано родился 30 июля 1945 года в Булонь-Бийанкур, Париж, Франция. Его мать, Луиза Кольпейн, фламандка, родом из Антверпена. Отец, Альбер Модиано, родился в Париже, но имел еврейские корни и по отцовской линии происходил из старинного сефардского рода из Салоников. Первые годы Патрик Модиано жил в доме номер 15 на набережной Конти. Бабушка и дедушка по материнской линии переехали из Антверпена в Париж, чтобы заботиться о внуке. Родным языком Модиано в детстве был нидерландский. Его мать довольно быстро перепоручила заботу о сыне другим людям. 5 октября 1947 г. у нее родился второй сын, Руди. Именно ему Патрик Модиано посвятил все свои первые произведения.

1949 - 1951 гг. мальчики провели в Биарицце на юго-западе Франции, находясь под присмотром консьержки. В сентябре 1950 г. они прошли обряд крещения, а в октябре Патрик Модиано впервые пошел в школу.

Братья вернулись в Париж в 1951 г. и снова жили на набережной Конти. В 1952 г. Луиза опять перепоручила сыновей, на сей раз своей подруге. В феврале 1953 г. отец отвез Патрика и Руди обратно в Париж, и, как выяснилось позже, подруга матери, присматривающая за детьми, была арестована за кражу со взломом. С 1953 по 1956 г. братья жили в Париже и ходили в обычную школу на Пон-дё-Лоди. Также они часто посещали церковь Сен-Жермен-де-Пре. На другом берегу Сены, возле Лувра, на двух площадях Каррузель и в парке Тюильри, Патрик и Руди проводили послеобеденные часы.

В октябре 1956 г. Патрик стал учеником школы Монтсель в Жуи-ан-Жаза, где царила почти военная дисциплина. А в феврале 1957 г. умер от лейкемии брат Руди. Его смерть стала критической точкой в жизни Патрика Модиано.

Он пробыл в школе вплоть до 1960 г., неоднократно предпринимая попытки сбежать.

Осенью 1959 г. Модиано познакомился с окрестностями театра Фонтень, открыл для себя площадь Пигаль, а на улицах Фонтень и Фрошо, на площади Бланш впервые ощутил таинственность Парижа и начал мечтать о новой жизни для себя.

В сентябре 1960 г. писатель попал в колледж Сэн-Жозеф-де-Тон.

В феврале 1962 г. во время каникул Патрик Модиано встретил журналиста и писателя Жана Ко, история его отношений с Луизой Кольпейн, матерью писателя, была положена им в основу романа «Горизонт» (2010).

Годы бакалавриата Патрик Модиано провел в Аннеси, где получил свой единственный диплом. В сентябре он был зачислен в престижный лицей Генриха IV в Париже.

Отец Патрика Модиано повторно женился на давней сожительнице, Милен Демонжео. Новая жена не позволила Альберу продолжать видеться с сыном.

В сентябре 1964 г. против своей воли Патрик Модиано был отправлен в лицей Мишеля Монтеня в Бордо, своего рода изгнание, инициированное новой супругой отца. Это приводит к очередному разрыву с родителем длиной почти в два года. 8 апреля 1965 г., снова оказавшись без денег, по настоянию матери Модиано отправляется к отцу просить финансовой помощи. Так он впервые в жизни оказывается в полиции, которую вызвала вторая жена отца.

В июне 1966 г. Альдо Модиано снова начал контактировать с сыном, но закончилось это только обменом нелюбезными письмами. После достижения совершеннолетия Патрик Модиано больше никогда не виделся с отцом.

Встреча с автором «Зази в метро» (1959) Раймоном Кено была решающей: введенный в литературный круг, Модиано получил возможность принимать участие в коктейльных вечеринках от издательства «Gallimard». В

1968 г. опубликован его первый роман «Площадь Звезды». С этого времени он посвятил всего себя писательству и уже в 1969 г. вышел второй роман – «Ночной Дозор».

12 сентября 1970 г. Патрик Модиано женился на Доминик Зерфюсс, дочери архитектора Бернара Зерфюсса, с которой живет и по сей день. У пары родилось две дочери. В 1974 г. на свет появилась Зина Модиано, будущий режиссер, а в 1978 г. – Мари Модиано, певица и писательница.

В 1972 г. третий роман писателя «Бульварное кольцо», отмеченный как образец современной французской литературы, получил премию Гран-При от Французской академии. В ноябре 1978 г. он добился успеха со своим шестым романом «Улица темных лавок», получив Гонкуровскую премию «за совокупность произведений». В 2014 г. Модиано стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, которую ему присудили «...За искусство памяти, благодаря которому он выявил самые непостижимые человеческие судьбы и раскрыл жизненный мир человека времен Оккупации» [20, с. 29]. Французский критик Жак Бреннер пишет, что «знаменитая память Модиано — на самом деле продукт его воображения» [20, с. 752]. Шестой роман Модиано, «Улица темных лавок», стал первым переведенным на русский язык произведением этого писателя (2014).

Автобиография Патрика Модиано «Родословная» (*Un Pedegree*) была опубликована в 2005 году. Название является отсылкой к автобиографическому произведению «Pedegree» Жоржа Сименона, впервые опубликованному 15 октября 1948 г. (второе измененное издание 1952 г.). К написанию этой работы Сименона подтолкнул ошибочный диагноз, который пророчил скорую смерть. Проблемы с сердцем оказались не настолько фатальными, но история жизни, написанная от первого лица, была закончена и опубликована. Себя Патрика Модиано сравнивает с беспородным псом, который делает вид, что у него есть родословная. Именно поэтому его автобиография названа «Un pedigree». Родословная Модиано устроена очень системно, написана короткими простыми фразами, включает важные

элементы его происхождения и охватывает период жизни от рождения до двадцати двух лет. Эта работа написана в манере поиска идентичности, которым писатель был одержим в большей степени из-за загадочной фигуры своего отца. Помимо многочисленных фактов о прошлом, о биографиях родителей, о литературе, которая составляла его личность, Патрик Модиано также упоминает различные адреса, которые сыграли несомненную значимую роль в его судьбе. Именно эти детали – адреса, относящиеся к Парижу, встречающиеся затем в других книгах писателя, - представляют интерес для данной работы. Самые значимые из них будут рассмотрены более подробно в данной главе.

1.2 Образ Парижа в автобиографии Патрика Модиано «Родословная»

Образ Парижа занимает важное место в Нобелевской речи Модиано, что подчеркивает очевидную значимость этого города в творчестве писателя: «В заявлении, которое последовало за объявлением о Нобелевской премии, я запомнил фразу, которая была аллюзией на последнюю мировую войну: «Я обнажаю мир периода Оккупации». Я, как и все те, кто родился в 1945, ребенок войны, и в частности, поскольку я родился в Париже, ребенок, обязанный своим рождением Парижу периода оккупации» [5, с. 13]. Люди, которые жили в том Париже, хотели бы поскорее забыть об этом. Или же сохранить в памяти те обыденные детали, которые создали бы иллюзию «нормальности», схожести с жизнью в обычное спокойное время. Писатель говорит о чувстве раскаянья, которое гложет людей того периода. Раскаянья за то, что они остались живы. Впоследствии их дети желали знать подробности о том периоде и том Париже, но получали лишь уклончивые ответы. Он тоже был таким ребенком. Однако же сквозь это молчание, которым родители пытались перечеркнуть все темные воспоминания, проступали ответы, и понимание было таким ясным, как если бы эти дети сами жили во времена Оккупации.

Наверное, никто из современников не владеет «искусством памяти» в таком масштабе, как Модiano. На вручении Нобелевской премии его назвали «Марселем Прустом нашего времени», но сам писатель подчеркивает, что его «поиск утраченного времени» отличается от того, какой был присущ Марселю Прусту. «Писатель считает, что эти поиски уже нельзя осуществить с такой силой и отчетливостью. «Общество, которое описывал Пруст, – XIX века, было еще стабильным (stable)». Память Марселя Пруста заставляет прошлое вновь возникнуть в малейших деталях, как живую картину. Мне кажется, что сегодня память гораздо менее уверена в себе, она должна постоянно бороться против амнезии и забвения. Массив забвения охватывает все, поэтому возможно ухватить только фрагменты прошлого, прерывистые следы, судьбы, исчезающие и почти неуловимые». Свое призвание романист видит в том, чтобы заставить появиться на белой странице забвения несколько полустертых слов». Модiano сравнивает их с айсбергами, которые дрейфуют на поверхности океана» [17, с. 1-2].

«Оккупированный Париж – странный город. На первый взгляд, жизнь осталась «как прежде»: театры, кино, мюзик-холлы, рестораны были открыты» [5, с. 14]. Люди никуда не исчезли, жизнь будто бы шла своим чередом. И это наносная нормальность будоражит воображение Патрика Модiano, она присутствует в его романах. «Но незначительные маленькие детали свидетельствуют о том, что Париж уже не такой, каким был раньше. Из-за отсутствия машин это молчаливый город – тишина, где слышался шум деревьев, цокот конских копыт, гомон толп на бульварах и гам голосов» [5, с. 14-15]. Патрик Модiano говорит о зимней темноте, опускающейся на город в пять часов вечера, в которой был запрещен малейший свет из окон. Из-за этой темноты нацисты прозвали Париж «слепым городом». Разговоры, состоящие из полуслов, взрослые и дети, которые могут бесследно исчезнуть в любой момент, запах опасности, витающий в воздухе – все это перекочевало на страницы романов писателя, перешло к нему без слов и рассказов от родителей, от города, которому он обязан своим рождением. В

эти беспокойные времена встречи были неожиданными и короткими, невозможными в спокойное время, но единственно верными в свете оккупации. Это были отношения без «завтра», без уверенности в будущем. Эти встречи дали жизнь детям, появившимся немного позже. Для Патрика Модяно Париж периода оккупации всегда был настоящей ночью, растянувшейся на годы. И если бы не тот Париж – он никогда не родился бы. «Этот Париж преследует меня и иногда его завуалированный свет заливают мои книги» [5, с. 15-16]. Он признается, что никогда не ставил себе за цель описать свою жизнь, но позже некоторые эпизоды из детства стали своеобразной матрицей для его романов. Его родители, доверившие ему некоторую информацию о людях из прошлого и показавшие места, которые были значимыми для них, тем не менее, оставили после себя слишком много вопросов, и писатель обратился к творчеству, «как если бы письмо и воображение могли бы помочь мне решить эти загадки и тайны» [5, с. 23]. Большой город - в случае Патрика Модяно его родной город Париж, настолько сильно связан с впечатлениями его детства, что он никогда не прекращал изучение «тайн Парижа». В детстве он уходил из дома, в одиночестве бродил по улицам города и воспоминания об этом стали принципиальной темой и фоном его книг. Для тех, кто рожден в больших и значимых городах, кто жил в них, по мнению Модяно, каждая улица, каждый квартал, каждое здание хранит воспоминание, встречу, мгновение счастья. Топография города тесно связана с памятью, вся жизнь состоит из связанных между собой воспоминаний. И наряду с воспоминаниями одного человека, на этих же улицах живут воспоминания тысяч других людей. «Так, например, во времена юности, чтобы помочь себе писать, я пытался найти старые адресные книги Парижа, особенно те, где имена были рассортированы по улицам с указанием номеров зданий. Складывалось впечатление, страница за страницей, что у меня есть рентгеновский снимок города, невидимый глазу, словно затонувший город, как Атлантида, и дышащий запахом времени» [5, с. 26]. Годы, хранящие следы тысяч

неизвестных, живших в Париже, те, чьи воспоминания оставались на городских улицах, будто бы оказывались близко, своими именами, адресами, телефонными номерами. Порой адреса или имена исчезали из телефонной книги, как исчезал из жизни человек, который носил это имя или жил по указанному адресу. Это казалось писателю потрясающим. «Да, мне кажется, что именно обращение к старым адресным книгам послужило причиной того, что мне захотелось написать свои первые книги» [5, с. 27]. Он подчеркивал незнакомые имена, адреса и номера телефонов, а затем пытался представить, как жил этот неизвестный человек, чем занимался и какое положение занимал среди тысяч других неизвестных. «Можно потеряться или исчезнуть в большом городе. Можно изменить личность и начать новую жизнь. <...> Темы исчезновения, личности, прошлого – это то, что тесно связано с топографией большого города» [5, с. 28]. По мнению Патрика Модяно, это также причина, по которой многие романисты девятнадцатого столетия ассоциируются с каким-то из больших городов. Какие же парижские адреса являются наиболее значимыми в жизни и творчестве Модяно?

Булонь-Бийанкур, 11 аллея Маргерит – место рождения Патрика Модяно. Это коммуна в западном пригороде Парижа и самый густонаселенный его район. Был индустриальным, но во второй половине XX века стал одним из главных мест ведения бизнеса. В феврале 1913 года, по приказу Филиппа V, там была построена церковь по образцу церкви Нотр-Дам. После окончания строительства церкви название города было изменено на Булонь-ля-Птит, в честь этого лес Рувре был также переименован в Булонский лес. На востоке Булонь-Бийанкур граничит с XVI округом Парижа, на севере – с Булонским лесом. С юга и запада омывается Сеной.

Это место появляется во второй главе автобиографии и знаменует начало жизни будущего писателя. «2 августа 1945 года мой отец отправился на велосипеде в мэрию Булонь-Бийанкур, чтобы зарегистрировать мое рождение. Я словно вижу его путешествие по пустынным улицам Отей и молчаливым набережным в это лето» [8, с. 32].

Булонский лес – 846 гектаров зеленых насаждений в XVI округе на западе Парижа. Одно из «легких» Парижа (второе «легкое» - Венсенский лес на востоке города). Посреди леса обустроен парк Багатель. В северной части Булонского леса находятся акклиматизационный сад и детский парк аттракционов со зверинцем, в юго-восточной — сад с отёйскими теплицами и сад Прэ-Кателан. В 1929 году лес официально стал считаться частью XVI округа Парижа. Булонский лес тесно связан с братом Руди, так как именно с ним Модiano проводил больше всего времени в детстве. Они часто гуляли около Булонского леса и это место ассоциируется у писателя с чувством уюта, безопасности и дружелюбности. Также Булонский лес был местом многочисленных встреч с детскими друзьями.

Набережная Конти, 15 – находится на территории VI парижского округа, который вместе с пятым составляют самую старую часть Парижа. Вероятно, это наиболее значимый и наиболее часто встречающийся в автобиографии адрес. Большую часть своего детства и юности, когда не приходилось жить в интернатах, Патрик Модiano проживал по данному адресу. Здесь прошла значительная часть жизни его родителей, которые поселились на набережной Конти и снимали несколько этажей. Здесь проходили дружеские встречи, за которыми наблюдали Патрик Модiano и Руди сквозь приоткрытую дверь комнаты. Здесь, на стекле, разделяющем консьержа и посетителей, висел список квартиросъемщиков, полный непонятных имен, большинство из которых, по подозрению писателя, принадлежали его собственному отцу. После развода родители Модiano продолжали жить на разных этажах, поэтому набережная Конти для писателя является домом, пускай и обладающим некоторой негативной атмосферой. Приступы материнской ярости и разногласия с отцом вносили ноту болезненности и неприязни, страха, периодического отчаянья, но также это место является в некотором смысле символом возвращения.

Вначале по адресу набережная Конти, 15 селится Луиза Кольпейн. Вероятно, именно поэтому даже в ранних работах Модиано часть Парижа, включающая набережную Конти, является все-таки местом матери.

«В Париже она живет в комнате по адресу набережная Конти, 15, в квартирке, которую снимал антиквар из Брюсселя и его друг Жан де Б.» [8, с. 12]. Мать снимает квартиру вместе со своими друзьями и в ней бесконечно находятся бесчисленные гости, чьи имена Модиано педантично перечисляет в своей автобиографии.

«Во времена моего детства, на витражной двери консьержа, имя «Генри Лагруа» присутствовало в списке жильцов на набережной Конти, 15 в период Оккупации, напротив отметки «четвертый этаж». Я спросил консьержа, кто такой «Генри Лагруа». Он ответил мне: «Твой отец». Эта двойственность потрясла меня» [8, с. 21].

Начиная с первой книги, поиск идентичности был одной из основных линий в творчестве Модиано. Вопрос идентичности отца - еще более животрепещущая тема. Фигура Альдо Модиано является для писателя таинственной, полной тёмных тайн и неразрешимых загадок. Вопрос «кто он?» витает в воздухе большинства романов Патрика Модиано. Был ли он неудачливым искателем Эльдорадо или весьма удачливым авантюристом? Кем он был на чёрном рынке, значимые места которого раз за разом посещал в разных частях Парижа? Бесконечные смены адресов и имен, многочисленные воплощения и подозрительные знакомые, крутой нрав - все это составляло туманный и расплывчатый отцовский образ для Патрика Модиано.

«Квартира на набережной Конти. Третий этаж, мы слышим голоса и взрывы хохота, вечер, в соседней комнате мать принимает своих друзей из Сен-Жермен-де-Пре. <...> На четвертом этаже был кабинет моего отца» [8, с. 35]. Патрик Модиано нечасто видел свою мать. С самого его рождения она предпочитала перепоручать заботу о сыне другим людям. В его детских воспоминаниях она сохранилась звуком голоса и смеха, периодическими

исчезновениями и появлениями, приступами необузданной ярости, многочисленными друзьями.

Все туманные воспоминания детства меркнут на фоне сильного и единственно важно воспоминания о потере любимого брата Руди, которому было одиннадцать лет. Только это воспоминание, по признанию самого писателя, не является попыткой отделаться от прошлого. Брат, даже ушедший из жизни, все ещё остается одним из немногих важных и реальных людей для Патрика Модiano. И его смерть тоже связана с набережной Конти. «В феврале 1957 я потерял своего брата... В воскресенье, накануне трагедии, я коротал послеобеденное время в нашей комнате на набережной Конти. Мы сортировали коллекцию марок. Я должен был вернуться в колледж к пяти, и я рассказал ему, что сегодня, в маленьком зале театра в пансионате, выступает для учеников группа юмористов. Я никогда не забуду его взгляд в то воскресенье» [8, с. 44].

В юности Патрик периодически жил с матерью. Однако же он вынужден был просить материальной помощи у женившегося вторично отца. Как уже упоминалось, новая супруга Альдо Модiano не поощряла его контакты с сыном. Они жили по одному адресу, на разных этажах. «Мой отец женился во второй раз, на Милен Демонжео. Они жили на четвертом этаже, этажом выше жила моя мать. Эти два этажа были тем самым домом, где мои родители жили вместе. В 1962 году квартиры еще не были разделены» [8, с. 85].

Улица Адольф-Ивон, 6 – XVI округ Парижа, раньше была частью улицы Ла Тур, названная в 1896 году именем французского живописца Адольфа Ивона. Все улицы этого района названы именами знаменитых художников. «Во время Оккупации она <мать> была связана с той, кто играл в «Аталанте», Дитой Парло, и ее любовником, доктором Фюшем, одним из лидеров организации «Отто», самого известного офиса черного рынка по улице Адольф-Ивон (XVI), 6» [8, с. 19]. По этому адресу находился главный торговый офис «черного рынка». Альдо Модiano приходил на это место уже

в то время, когда стал отцом двоих сыновей, а чёрный рынок прекратил своё существование. На месте бывшей конторы - отель. Но этот настойчивый интерес к данному месту, тяга узнать о современном его назначении глубоко врезались в память Патрика Модiano.

Проспект Ош, 53 – VIII округ Парижа, проспект начинается на улице Курселль, 67 и площади Женераль-Брокар, а заканчивается площадью Шарля де Голля (она же площадь Звезды). Раньше этот проспект назывался Сэн-Мари, в честь дочери некоего мсье Эстьена, давшего это имя улице в 1822 г. Она доходила до улицы Фобур-дю-Руль (Фобур-Сэн-Оноре). Это была частная улица с воротами с обоих концов, которые запирались на ночь. Современное название было дано проспекту в 1879 году в честь генерала Французской революции Лазара Оша (1768-1797). Этот адрес также ассоциируется с фигурой отца, которого Патрик Модiano знал недостаточно хорошо. На проспекте Ош находился офис, где часто бывал и работал Альдо Модiano, однако род его деятельности остался неизвестен. Как и прочие расплывчатые факты об этом человеке, данный факт вызывает любопытство у писателя.

Сен-Жермен-Де-Пре – находится в VI парижском округе, в конце улицы Ренн и вокруг одноименного аббатства. Неподалеку находятся станции метро Сэн-Сюльпис, Одеон и Сен-Жермен-Де-Пре. После Второй мировой войны Сен-Жермен-Де-Пре стал центром интеллектуальной и культурной жизни Парижа: философы, писатели, актеры, художники, штаб-квартиры самых больших издательств располагались здесь. В XXI в. тенденция снова несколько изменилась, издательства разъехались по другим частям Парижа, открылись новые магазины класса «люкс», повысились цены на недвижимость. Сен-Жермен-Де-Пре представляет для Патрика Модiano несомненную значимость, поскольку продолжительное время он жил и учился здесь.

Площадь Каррузель - это городская площадь в I округе Парижа, расположенная между Лувром и садом Тюильри. Название было дано

площади в 1662 г. Людовиком XIV, так как она использовалась для демонстрации военных конных выездов - каруселей. На площади Каррузель расположена легендарная Триумфальная арка. Патрик Модиано имел обыкновение гулять здесь со своим братом Руди, поэтому данное место, как и Булонский лес, ассоциируется прежде всего с приятными воспоминаниями детства и юности, иллюзиями, поисками и надеждами.

Сад Тюильри - это общественный парк в центре Парижа, в I округе. Расположен между площадью Согласия, улицей Риволи, Лувром и Сеной. Занимает 25,5 гектаров. Когда-то к нему примыкал дворец Тюильри, ныне это самый значительный и старый «регулярный сад». Название происходит от расположенного неподалеку в давние времена места для добычи глины для производства черепицы, по-французски tuile. Еще одно значимое место Парижа, где Патрик Модиано проводил значительную часть времени со своим любимым, но рано умершим братом: «По другую сторону Сены – тайны двора Лувра, две площади Каррузель и сады Тюильри где я проводил долгие послеобеденные часы со своим братом» [8, с. 39].

Квартал Пигаль - район красных фонарей в Париже, расположенный вокруг одноименной площади. Граница IX и XVIII округов. Название дано в честь французского скульптора Жана - Батиста Пигаля. Это место было открыто писателем во время долгих и томительных ожиданий матери, которая работала в многочисленных театрах, расположенных в разных местах города. Бродя по кварталу Пигаль, Патрик Модиано отмечает, что «впервые начал мечтать о жизни для себя». Открытие возможности другой жизни – это происходит со многими героями его произведений. И это открытие в жизни самого писателя было настолько ярким, что навсегда врезалось в память и нашло отражение в его творчестве.

Площадь Одеон - площадь в форме полукруга, расположенная в VI округе. Обрамляет театр Одеон. К площади сходятся пять улиц. Патрик Модиано также упоминает это место в своей автобиографии: «Как-то утром мы были с ней на площади Одеон. Какая-то цыганка читала нам линии на

руке, стоя под сводами торгового суда Сэнт-Андрэ. Мирей Урусов сказала, что ей было бы любопытно узнать меня через десять лет» [8, с. 76]. Мирей Урусов была подругой Луизы Кольпейн, замужем за русским. В какой-то период времени она жила в доме матери Патрика Модiano, там же познакомилась с ним самим. Она была на десять лет старше писателя и стала его первой любовницей. Случайно произнесенная ею фраза о том, что было бы интересно узнать его через десять лет, еще долго преследовала и волновала Патрика Модiano.

Монмартр - 130-метровый холм на севере Парижа, в XVIII округе. Самая высокая точка Парижа. На вершине находится базилика Сакре-Кёр. Существует две версии происхождения названия. Согласно первой, оно происходит от латинского Mons Martis - Марсов холм, поскольку в античные времена здесь располагался храм в честь данного божества. Возможно даже, в честь Mons Mercuri - другого римского храма. Согласно второй версии, название гораздо более позднего происхождения и содержит в себе отзвуки Mons Martyrium - холм мученика, в честь Дионисия Парижского. Это место в своей автобиографии Патрик Модiano выделяет как еще одно место «нахождения себя», принятия значимых решений и переосмысления жизни.

Париж занимает центральное место в художественном творчестве писателя. Правый берег обладает положительным значением, Левый берег – скорее отрицательным, поскольку там сосредоточено много негативных воспоминаний. Большую часть детства и юности Патрик Модiano провел на Левом берегу Парижа, на набережной Конти, которая расположена в шестом округе, учился неподалеку, в Сен-Жермен-Де-Пре. В доме на набережной Конти умер любимый брат Руди. В этом же доме Патрик Модiano познакомился со своей первой возлюбленной, подругой матери, которая была на десять лет старше него самого. Из всего вышесказанного следует, что Левый берег был для писателя обителью прошлого, воспоминаний, по большей части весьма тяжелых. На Левом берегу он посещал учебные заведения, которые были наполнены притеснением, насилием, вынужденным

голоданием, расплатой за собственное происхождение, непониманием и одиночеством. В доме, где он провел большую часть времени, царила атмосфера отцовской таинственности и материнских приступов необоснованной агрессии, редкие периоды радости и спокойствия сменялись безденежьем, непониманием и ссорами. Неизгладимое впечатление оставила ранняя смерть горячо любимого младшего брата Руди, которая стала переломным моментом в жизни Патрика Модиано.

Правый же берег, наряду с таинственными местами «темного прошлого» Альдо Модиано, наполнен положительными детскими воспоминаниями: Булонский лес, сад Тюильри, Лувр и прочие точки Парижа, где писатель гулял со своими друзьями и Руди. Пигаль, который натолкнул на мысль о «новой жизни», Монмартр, прогулки по которому изменили мировоззрение писателя – все это было веянием нового, неизведанного, исполненного надежд. И хотя все эти надежды вязли в туманном прошлом, которое невозможно разгадать, новое несло облегчение. Все проблемы и невзгоды оставались по другую сторону моста. И это избавление наложило отпечаток на личность Патрика Модиано.

Именно образ Парижа во многом способствовал созданию того «искусства памяти», за которое Патрик Модиано получил Нобелевскую премию, и сотворил его, как писателя. Топос Парижа в романах писателя будет детальнее рассмотрен в следующей главе, на примере романов «Кафе утраченной молодости» (2007), «Горизонт» (2010) и «Ночная трава» (2012).

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТОПОС ПАРИЖА В РОМАНАХ МОДИАНО (2007-2012)

2.1 Образ Парижа в романе Патрика Модиано «Кафе утраченной молодости»

«Кафе утраченной молодости» (*Dans le café de la jeunesse perdue*) - роман Патрика Модиано, изданный в 2007 году. Это первый роман писателя, написанный после автобиографии «Родословная» (2005). Название романа является цитатой Ги Дебора¹, пародирующей начало «Божественной комедии»: «На середине жизненного пути нас охватывала мрачная меланхолия, что выражалось в горьких и одновременно насмешливых разговорах в кафе утраченной молодости». Происхождение этой цитаты довольно запутанное. Изначально она взята из фильма с названием-палиндромом «*In girum imus nocte et consumimur igni*» («Мы кружим в ночи, и нас пожирает пламя»), снятого в 1978 году и выпущенного в 1981. Фильм, созданный основоположником Ситуационистского интернационала, состоит из картин, изображающих комментарии к итогам протестного опыта шестидесятых годов [51, с. 2]. Выбор цитаты обусловлен тем, что, по признанию самого Патрика Модиано, тексты Ги Дебора необъяснимым образом связаны с его детством. Вероятно, это связано с тем, что он описывает те места, где часто бывали Ги Дебор и ситуационисты². «Кафе утраченной молодости» - это роман о Париже, памяти, «точках пересечения», «нейтральных зонах», «вечном возвращении» и поиске. Роман о периоде в

¹ Ги Луис Мария Венсан Эрнест Дебор (1931 - 1994), французский революционер леворадикального толка, философ, историк, писатель, художник-авангардист и режиссер. Принял активное участие в создании Ситуационистского интернационала в 1957 году. В книге Ги Дебора «Общество спектакля», вышедшей в 1967 году, изложены основные идеи ситуационизма.

² Ситуационизм - направление западного марксизма, было создано в результате отделения от троцкизма. Активно проявило себя во время Майских событий 1968 года во Франции. Это повлекло за собой смену правительства, отставку Шарля де Голля, и широкие изменения в жизни французского общества. Критика капитализма и партийной бюрократии привели к сближению с анархистами. Создатели направления отрицали любую сформировавшуюся идеологию, поэтому негативно относились к термину «ситуационизм». После яркого выступления движение пришло в упадок, а в 1972 году интернационал был распущен. Несмотря на свою неудачу, идеи ситуационистов оказали существенное влияние на культуру и политику в Европе и США.

жизни каждого человека, когда впереди новый мир, полный открытий и разочарований. А затем, спустя годы, оглядываясь назад, чувствуется горькое сожаление об «утраченной молодости», которая выглядит такой далекой и притягательной, овеянной романтическим ореолом. Взрослая жизнь кажется ненавистной клеткой, в которой заперт каждый человек.

Как следует из названия, роман готовит читателя к отправлению в прошлое, в 1960-е годы, действие происходит преимущественно в VI округе, где в центре событий оказывается кафе «Конде», что расположено совсем недалеко от «Одеона». Однако же умело используя и играя со штампами среднего «Левого берега» Парижа, Патрик Модиано не попадает в их ловушки. В этом романе на ностальгическую тему создается уникальное, неожиданное пространство. Вопрос о реальном существовании кафе «Конде» был затронут во время одного из интервью с писателем. Патрик Модиано уточнил, что конкретно этого заведения в Париже нет, однако это весьма точное сочетание нескольких реально существующих кафе, расположенных между Одеоном и Сен-Жермен-де-Пре. Сегодня эти кафе исчезли и были заменены на магазин одежды, поэтому сейчас «Конде» существует исключительно в воображении.

«Кафе утраченной молодости» содержит многочисленные отсылки к уже упомянутой «Божественной комедии» Данте Алигьери. Круги, фигурирующие на страницах романа Модиано, безусловно, играют значимую роль, о чем будет сказано ниже.

В романе присутствуют четыре нарратора, четыре истории, которые вращаются вокруг одной молодой женщины со множеством лиц и имен. Роман начинается со студента, при помощи которого читатель впервые оказывается в кафе «Конде» и знакомится с эксцентричными завсегдатаями оного, а также с Луки, пропавшим ключевым персонажем. Затем Луки превращается в Жаклин, появляются новые имена и новые места, а все пути ведут в «Конде». Сюжет закручивается вокруг впечатлений разных людей, их воспоминаний об одной женщине.

С первых страниц появляется одно из центральных противостояний в тексте – между светом и тенью. Начиная с появления Луки в кафе «Конде», когда она воспользовалась дверью, скрытую в тени, продолжая в описании фотографий посетителей кафе, на которых Луки будто бы излучала свет. Это противостояние фигурирует в разных эпизодах: Луки предпочитает ту сторону улицы, где падает тень, она боится площади, на которой погашены все вывески и не горят даже те, которые обычно светятся всю ночь напролет. Текст начинается отсылкой к Данте, а значит Луки может быть приближена к образу Лючии. В более общем смысле Луки может быть рассмотрена как символ света, который вдыхают персонажи Модiano, это мистическая любовь, которая дарит бесконечно блаженство и противопоставляется земному и прозаическому [51, с. 6].

Читатель получает кусочки мозаики, основанные на разных фактах и разных событиях, составляющих маленькие истории, которые, в свою очередь, складываются в одну большую. Атмосфера оттенков, игра со светотенью, тем не менее, роман не вырождается в мелодраму, хотя ее элементов там достаточно. Чистым языком, лишенным многочисленных украшений, Патрик Модiano воссоздает Париж 1960-х годов, где есть место для действительно существенных деталей. Мир создается при помощи таких реалистичных моментов, как номер телефона, который читается «Отей 15-28», открытой ночью напролет пекарни «в начале Рю-дю-Дуэ» и, недалеко от площади Бланш, почти всегда пустого маленького кинотеатра, кроме, конечно, субботы, когда в нем показывают фильм, который предлагает отправиться в дальние края, такие как Мексика и Аризона». Он описывает «жизнь от случая к случаю, без планов или отметок, в соответствии с основным жизненным правилом ситуационистов, писателей, (псевдо) художников и студентов, посвящающих себя алкоголю и наркотикам» [51, с. 3].

Многосторонний подход к некой Жаклин – это также изучение граней Парижа, которые каждый человек видит по-разному. Бесконечные фасады, по

сути, так и остаются непознанными. Патрик Модiano с ювелирной точностью перестраивает улицы Парижа таким образом, что получает эффект «матрешки»: когда кажется, что все уже показано полностью и понято – очередной слой проступает на поверхности.

Кафе «Конде» - словно центральная точка, вокруг которой вибрирует и переливается суровая реальность. Лишь в кафе персонажи ощущают себя в безопасности. То же, что находится снаружи – не может быть стабильным или предсказуемым. Выбор кафе обусловлен тем, что мадам Шадли, владелица, никогда не интересовалась никакими деталями жизни своих посетителей. Тем не менее, она всех помнила и всегда относилась к ним благосклонно. Позже, уже после закрытия кафе, она говорит одному из посетителей о том, что они все напоминали ей бездомных собак. Это подчеркивает тот факт, что ни у кого из персонажей никогда не было собственного дома и заменой ему стало «Конде». Образ «бездомной собаки» Патрик Модiano примеряет и на себя. Кроме того, персонажи - «беженцы» в этом романе, будучи на Левом берегу в районе Сен-Жермен или Монпарнас, скрываются «в тени литературы и искусства» [4, с. 15]. И они награждаются помилованием, даже если виновны в соучастии с кем-то или имеют связи с преступным миром [51, с. 8].

В какой-то момент Луки рассказывает свою историю самостоятельно, также в романе присутствуют свидетельства детектива, нанятого оставшимся в одиночестве скучным мужем, студентом и Роланом, который был страстно влюблен в эту загадочную женщину. Рассказы детектива и Луки относятся к прошлому и настоящему, а студент и Ролан дают ретроспективную оценку. Также детектив, будучи старше остальных персонажей, иногда вспоминает годы войны и время после нее [51, с. 3-4]. Наличие нескольких точек зрения помогает придать многогранность портрету героини, что наблюдается и в других романах Патрика Модiano.

Роман «Кафе утраченной молодости» является частично автобиографическим. Патрик Модiano был ребенком, когда впервые оказался

в этой части Парижа и больше, чем витрины и неоновые огни, он был потрясен девушками, которые курили в барах, куда он не мог войти, словно вышедшие из черно-белых фильмов. По признанию самого писателя, образ Луки появился в тот момент, когда он увидел в одном из баров девушку с трагической судьбой. И это впечатление навсегда укрепилось в сознании. В отличие от Луки, которой присущи автобиографические моменты, другие основные рассказчики – это не писательское прошлое. Но они объясняют то, что он ощущал. В каждом из них имеется что-то, что было в писателе в прошлые годы. Этот роман был разработан как полиморфная игра. Например, «Нейтральные зоны», теорию которых разрабатывает на протяжении всего романа Ролан, соотносимы с одержимостью, которая появилась у Патрика Модiano в двадцатилетнем возрасте в связи с топографическими метками. После этого он заинтересовался списками улиц, бульваров, пригородов и неожиданных мест, которые располагались далеко от центра. Пытаясь воссоздать биографию Луки, герои романа Модiano также пересекают город во всех направлениях, и, как и прежде, топографическая точность соседствует здесь с громогласным молчанием и туманом, которым покрыта жизнь героини. Она дрейфует в Париже шестидесятых годов, будто бы находясь одновременно в нескольких измерениях [51, с. 4].

Другие персонажи романа, упоминаемые в качестве завсегдатаев кафе, названы говорящими именами. Например, Адамов – это отсылка к драматургу Артюру Адамову, которого Патрик Модiano часто встречал в Париже, всякий раз обнимающего разных девушек. Рафаэль или Морис Рафаэль – это псевдоним Виктора Мориса Лё Пажя, который был другом Бретона и Кено, с которыми сложились дружеские отношения и у Патрика Модiano. Его писатель часто встречал на улице Сены. Что касается Бабийе, которого можно принять за отсылку к танцору Жану Бабийе, то он просто получил место в романе, поскольку звучание этого имени заставляло Патрика Модiano ощущать некоторую мечтательность. Тяга к звучаниям, к

сочетаниям звуков и слов была у писателя с самого детства, о разных впечатлениях от слов упоминает он и в своей автобиографии.

Помимо говорящих имен, в романе «Кафе утраченной юности» упоминаются также и авторы: Рембо, Лотреамон, Оливьер Ларронд³. Но самым значимым упоминанием в этом романе становится «Потерянный горизонт»⁴, который Луки приносила в «Конде» и клала на столик, стараясь соответствовать привычкам завсегдатаев кафе. Потерянный горизонт – метафора рая, недостижимого, выдуманного. О трагичности всего подсказывают встречающиеся говорящие названия и имена: Адамов покончил жизнь самоубийством в 1970 году, Оливер Ларронд умер в 37 лет. Сама Луки, несмотря на многочисленных защитников, все-таки прожила недолго и закончила свой жизненный путь весьма трагично. По поводу книги «Потерянный горизонт» она говорит, что «это история людей, которые поднимаются в горы Тибета в монастырь Шангри-Ла, чтобы узнать секреты жизни и мудрости» однако добавляет, что не стоит идти так далеко: «Для меня Монмартр – Тибет» [4, с. 94]. Сравнение Монмартра с Тибетом неслучайно, так как Монмартр – это наивысшая точка Парижа, 130-метровый холм, который находится в восемнадцатом округе, почти на самом краю города. Так же Монмартр был одним из примечательных мест в биографии Патрика Модiano, прогулки в тех местах меняли его взгляд на жизнь и влияли на него, как на будущего писателя. У Монмартра длинная и запутанная история, которая бережно оберегается: часто афиши оповещают о событиях, которые произошли еще давно, сохраняются рисунки на стенах, в начале XX века здесь была колыбель богемы и многочисленные необычные

³ Оливер Ларронд (1927-1965)- французский поэт. В 1946 г. опубликовал свой первый стихотворный сборник «Таинственные баррикады», который вызвал интерес Мишеля Лейриса и Раймона Кено. Вторую половину жизни провел в окружении парижских баров, опиума и алкоголя, умер в одиночестве и лишениях. Через год после смерти была опубликована его третья и последняя книга. Его часто сравнивают с Рембо, рассматривают как «последнего отпрыска знатного рода из проклятых поэтов».

⁴ «Потерянный горизонт» - роман английского писателя Джеймса Хилтона, написанный в 1933 году. Книга была экранизирована в 1937 году, режиссером Фрэнком Капра. Роман повествует о Шангри-Ла, вымышленном утопическом ламаистском монастыре, находящемся высоко в горах Тибета.

посетители оставляли после себя многочисленные необычные истории. Монмартр пропитан прошлым, воспоминаниями, и для писателя, который так трепетно относится к тому, что было годы, десятилетия и века назад это определенно является одним из самых важных мест на карте Парижа.

Город, о котором пишет Патрик Модiano, больше не существует. Все его романы – это попытки найти тот Париж, который исчез, старый Париж. Это создание внутреннего города, где не существует эпох и который воплощает то, что Ницше называет «вечным возвращением». Идея Вечного возвращения для Ницше означала возможность повторения всякого явления. То есть через непредвиденное количество лет во всем похожий на нынешнего размышляющего жителя человек, сидя в тени такой же скалы, наткнется на такую же мысль, которая будет являться ему бесчисленное количество раз. Это исключает всякую надежду на небесную жизнь и какое-либо утешение. Однако же, несмотря на подобную безжалостность, эта мысль облагораживает каждую отдельную минуту жизни, придает ей непреходящий характер. Это, по мнению Ницше, высшая степень сближения между существующим и будущим миром. Самые мимолетные явления наделяются вечностью. И Париж в романах Патрика Модiano позволяет самому писателю и его читателям «идти по кругу».

Правый берег Сены для Патрика Модiano связан с ощущением входа в зону свободы, но также сулит и тревожные приключения. Эту связь он объясняет памятью о полицейском участке, который находился как раз перед улицей Риволи. Это символизирует своего рода таможенный пост. Его воображение в четырнадцатилетнем возрасте было потрясено, когда, пересекая весьма «обаятельный» мост Искусств, приходилось проходить мимо суровых полицейских в кепках. Начиная с «Площади Звезды», в творчестве Модiano просматривается связь Правого берега с большинством видов «теневого деятельности»: это территория гестапо, «немецкой полиции», сотрудничества. Левый же берег связан с Сопротивлением, которое имело штаб-квартиру в XIV округе. Это противостояние между притонами

беззакония и моральным спасением в разных парижских местах охватывает Патрика Модiano в период между подростковым и зрелым возрастом, невинностью и злом [51, с. 4]. В то же время, Правый берег – это Пигаль, где мать-актриса вела довольно вульгарный образ жизни, а Левый – это набережная Конти, которая долгое время была для писателя домом. Само по себе наличие родителей на Левом берегу доказывает, что граница между двумя частями Парижа не непреодолима. Двойственность иллюстрируется и судьбами двух бывших арендаторов, которые проживали в квартире на набережной Конти: один из них, писатель Морис Сакс, затонул в пучине сотрудничества, ища пути к спасению, второй, тоже писатель, Элберт Шиаки, присоединился к Сопротивлению и умер в концентрационном лагере Дахау. Очевидно, что отношения между берегами Сены неоднозначны, но они определенно эволюционируют от одного произведения к другому. Это будет особенно заметно в процессе анализа последующих рассматриваемых романов. Не снимая исторические и автобиографические ассоциации географических названий, Модiano трансформирует и обогащает их через многочисленные литературные аллюзии: писатели живые и мертвые, известные и забытые идут бок о бок по страницам его романов [51, с. 5].

В романе «Кафе утраченной молодости» все ключевые персонажи перемещаются по Парижу и открывают разные его места. Также важным моментом романа является теория «точек пересечения». Значительную роль в этом играет некий Боунг, по кличке Капитан. С одобрения остальных, он записывал в «Золотую книгу», как он называл свою тетрадь, имена посетителей «Конде», фиксировал даты и время их посещения. Он просил об этом и своих друзей из других круглосуточных кафе, но там посетители отказывались называть свои имена. Если посетители не хотели называть свои имена или же Боунг забывал этим поинтересоваться – он вкратце описывал человека. Капитан отмечал также и адреса, так что можно было легко проследить и путь каждого посетителя от дома до кафе. Боунг отмечал разноцветными ручками все пути на карте, чтобы убедиться, что по дороге

домой посетители имеют возможность встретить друг друга. По сути, Боуинг борется с безликостью большого города, испещряя страницы толстой тетради в пластиковой красной обложке бесчисленными именами и адресами. Но листая ее, все упомянутые линии все равно остаются только именами и адресами, ничего особенного о них узнать нельзя. Боуинг свято верил в силу списка, который нужно только закончить.

«По сути, Боуинг пытался спасти от забвения мотыльков, что порхали вокруг горящего ночника» [4, с. 19]. Его мечтой было создание списка всех посетителей парижских кафе за последние сто лет для определения «точек пересечения». В бесконечно изменяющемся потоке лиц можно было разыскать некоторые такие точки. И их следовало найти. Перед отъездом Капитан отдал свою тетрадь с исследованиями за последние три года студенту. Это стремление к наблюдению, к составлению списков и статистик, к описанию людей, имен и адресов, отражает самого Патрика Модiano и его борьбу с безликостью Парижа. Он жаждет четкости и стабильности, конкретики, которой был лишен в случае с личностями своих родителей и их прошлым. Обрывки имен их знакомых, случайно узнаваемые адреса – все это он структурировал в своей автобиографии, придавая объем и значение своему прошлому. Он хотел видеть целую картину, и это желание сохраняется у подавляющего большинства его персонажей.

Первым героем, с которым знакомятся читатели, становится студент. Он появляется в «Конде» не слишком регулярно и сторонится постоянных посетителей. Тем не менее, он знает всех завсегдатаев и прислушивается к их разговорам. Реальные их имена неизвестны, преимущественно все персонажи романа используют разные прозвища. Но известно, что все они живут на Левом берегу. Студент попал в «Конде» случайно – зашел переждать дождь. И с тех пор посещал его довольно часто, это место обладало какой-то внутренней притягательностью. Он утверждает, что даже если бы кого-то привели туда с завязанными глазами и заставили угадать, что это за место – взглянув на посетителей и послушав их разговоры, можно было бы

безошибочно определить, что недалеко находится «Одеон», который «представляется таким мрачным в дождливую погоду» [4, с. 12]. Именно с «Конде» и «Одеона» начинается роман.

Театр «Одеон» или Театр де Франс – это один из шести национальных французских театров, расположенных в VI парижском округе, поблизости от станции метро «Одеон». Это здание построено в период между 1779 и 1782 годами в парке при бывшем особняке Конде, построенному по проекту Шарля де Вайи и Мари-Жозефа Пейра, в стиле классицизма, в подражание зданию театра «Комеди Франсез». Театр «Одеон» был открыт королевой Марией-Антуанеттой 9 апреля 1782 года. В 1990 году получил звание «театра Европы».

Вероятно, название для вымышленного кафе «Конде» было отчасти основано на его связи с «Одеоном», вокруг которого разворачиваются события. Конде - титул французских принцев «малой крови», младшей ветви венценосного дома Бурбонов, впервые данный дяде короля Франции Генриха Наваррского — Людовику Бурбонскому, резиденцией которого был дворец-замок в Конде, от которого и получил название титул и род. Его потомки носили данный титул до 1830 года. Также можно полагать, что название кафе было дано в честь протянувшейся неподалеку улицы Конде.

Теория «точек пересечения» подтвердилась, когда в конце проспекта Гранд Арме, направляясь к станции метро «Порт-Майо», студент впервые повстречал Луки вне стен «Конде». Он так и не узнал ее настоящего имени, выяснил только, что она живет в этом квартале, в стороне Нейи и Булонского леса. «Порт-Майо» находится в XVI парижском округе, неподалеку от площади Этуаль-Шарль де Голль, на которой установлена знаменитая Триумфальная арка.

Адамова студент часто встречал у театра «Одеон» и дальше у церкви Сен-Жюльен-ле-Повр. Там же Артюра Адамова, часто под руку с какой-то девушкой, встречал и сам Патрик Модиаго. В романе Адамов был однажды

замечен студентом под руку с Луки, шагающим по направлению к театру «Одеон».

Следующий основной персонаж сначала появляется в романе из слухов, блуждающих между завсегдатаями кафе. Студент узнает, что его часто видели у «Мален» на улице Сен-Бенуа, и в баре «Монтана». Улица Сен-Бенуа находится недалеко от станции метро «Сен-Жермен-де-Пре». В этом квартале, как говорилось выше, проходили годы обучения Патрика Модiano, а на улице Сен-Бенуа находится сердце парижской джазовой сцены и живет дух 50-х годов, когда предместье Сен-Жермен было пристанищем французских битников.

В то время как о Луки рассказывает студент, она живет «где-то за кладбищем Монпарнас». Об этом он узнал, когда дождливым вечером его и Луки подвозил домой один из посетителей кафе, Морис-Рафаэль. Кладбище Монпарнас – одно из самых известных кладбищ Парижа, расположено в XIV округе, в районе Монпарнас. Основано в 1824 году и сначала называлось Южным кладбищем. Там похоронены многие деятели искусства. Морис-Рафаэль называет это «жизнью в преддверии». Здесь видна очередная отсылка к «Божественной комедии» Данте и Аду, изображенному в ней, где в преддверии томятся нерешительные люди. Сам студент просит высадить его около Люксембургского сада, поближе к Вальдеграс, чтобы не сообщать свой настоящий адрес. Ему говорят, что он мог бы жить в Вальдеграс, в то время как Луки живет в «преддверии». Стоит обратить внимание на тот факт, что первый рассказчик обучается в Горном институте, который сразу же подталкивает читателя в направлении подземного мира, в котором он делает свои первые шаги. «Подземелье» в литературном смысле. В шестидесятых и семидесятых годах студенты Горного института обладали полной документацией, при помощи которой им удалось составить карту сотни километров подземных тоннелей, расположенных под Парижем. И студент, своим появлением, как бы вынуждает читателя сделать первый шаг в это темное царство лабиринтов [51, с. 6]. Данте и Вергилий в «Божественной

комедии» оказываются в «преддверии» перед входом в сам Ад, сталкиваются с некрещенными, теми, кто не может попасть в Рай. Большая часть Южной Сети подземных карьеров Парижа начинается от Монпарнаса и проходит под Вальдеграс, давая дополнительное толкование невинному замечанию, которое получил студент [51, с. 7]. На самом же деле студент жил по бульвару Сен-Мишель, в доме номер 85. Из окна комнаты он мог видеть фасад своего института. Люксембургский сад расположен в центре Парижа, занимает 26 гектаров в Латинском квартале. Это VI округ. Бульвар Сен-Мишель или сокращенно Бульмиш также находится в Латинском квартале и является одной из главных его улиц, наряду с Сен-Жермен. Бульвар проходит по границе между V и VI округами, берёт своё начало от моста Сен-Мишель на реке Сена и площади Сен-Мишель, пересекает бульвар Сен-Жермен, проходит вдоль Сорбонны и Люксембургского сада и заканчивается на площади Камиля Жюлена недалеко от железнодорожной станции Порт-Ройаль и проспекта Обсерватории. Этот бульвар был создан, как и многие другие места Парижа, в ходе перепланировки бароном Османом. Из окна комнаты герой может видеть стену Горного института, в котором учился. Место его проживания тоже двоякое. В этом романе внимание автора приковано к тому, что находится под Парижем, куда он любезно приглашает читателей. И в первой главе все они – герои и читатели – находятся в «преддверии».

Возле окна с видом на горный институт читатель расстается со студентом и перемещается к следующему рассказчику, тому, который ранее упоминался только в качестве случайного посетителя, героя сплетен. И его история тоже берет свое начало за столиком «Конде». Он получает «Золотую книгу», где велся учет всех посетителей. Он представился «Издателем», хотя на самом деле является детективом по имени Пьер Кэслей. Этот герой на двадцать лет старше остальных и умело пользуется этим преимуществом. Доктор Вала, который был шапочно знаком с Кэслеем и поведал о нем студенту, встречался с детективом на Правом берегу. Однако воспоминания об этих встречах были не самыми лучшими. Кэслей много знает о прошлом

некоторых сомнительных завсегдатаев кафе, также он служит своего рода посредником между двумя берегами и двумя эпохами. Возвращаясь к «Божественной комедии», связи с которой в данном романе очевидны, следует вспоминать, что Данте и Вергилий пересекают реку на лодке. Пьер Кэслей имеет и более современные средства передвижения: он использует метро, чтобы переместиться сначала в Саблон, а затем на Пигаль [51, с. 10].

Луки, искомая загадочная девушка, знакома издателю под именем Жалкин Деланк и это ее настоящее имя. Однако в кафе детектив не пытается заговорить с ней. Вместо этого он отправляется в ее отель, расположенный недалеко от авеню Мен, на улице Сэль. В отеле, во время разговора с женщиной за стойкой, звучит имя следующего ключевого персонажа, глазами которого читатель будет видеть Жаклин Деланк, Ролана.

«Чтобы понять людей, прежде всего необходимо с максимальной возможной точностью определить маршруты их перемещений. Я несколько раз повторил тихим голосом: «Отель на улице Сэль. Автобаза „Ля Фонтен“. Кафе „Конде“. Луки». И, конечно же, Нейи, между Булонским лесом и Сеной, где назначил мне встречу тот тип, чтобы рассказать о своей жене Жаклин Шуро, урожденной Деланк» [4, с. 39]. Детектив на самом деле нанят брошенным супругом Луки, в силу своей профессии он более тщательно относится к адресам.

Перечисленные точки Парижа преимущественно связаны с реальным прошлым Патрика Модиано, что подтверждает тот факт, что в неуловимую героиню романа он вложил немало автобиографического: она путешествует по памятным местам его детства и юности, местам, которые овеяны приятной ностальгией, но также извечной проблемой поиска. Для выяснения деталей исчезновения Жаклин, детектив отправляется на станцию Саблон, недалеко от которой проживал его наниматель. В этих местах детектив ощущал веяние осени и деревни, его охватывала легкая тоскливость и повсюду мерещились лошади и звуки охотничьего рога. В этих местах Париж словно бы остается где-то далеко. И здесь Кэслей вместе с читателями романа оказывается в Аду.

Это место, где царило беззаконие, находилось Гестапо, где жили убийцы, предатели и изменники. Рога, звуки которых воображает себе детектив, создают ситуацию охоты за жертвами злоумышленников [51, с. 11].

В квартире заказчика тоже присутствует атмосфера уныния и запущенности: мало мебели, лаконичная обстановка, безразличный владелец с бесцветным голосом. Гнетущее впечатление тянется за детективом повсюду, когда обрываются все возможные ниточки, ведущие к Жаклин Деланк.

Упоминание о ней находится в старых архивах, оно связано с кварталом Сен-Жорж. Квартал Сен-Жорж находится в IX административном округе Парижа. В архивах хранится выписка из комиссариата о бродяжничестве в несовершеннолетнем возрасте на имя Жаклин Деланк.

«В настоящее время она проживает в гостинице «Савойя», улица Сэль, 8, Четырнадцатый район. <...> Мать работала билетершей в «Мулен-Руж». У нее был дружок, некий Ги Лавинь, который трудился на автобазе «Ла Фонтен», Шестнадцатый район. Он помогал им материально» [4, с. 58 – 59].

В юные годы Жаклин Деланк проживала на Правом берегу Сены, в самом отдаленном конце Парижа. В тот момент, когда детектив пытается разыскать ее, она перебралась на Левый берег и последней точкой перед ее перемещением была квартира, где она проживала в замужестве, в Нейи, недалеко от Булонского леса, в XVI парижском округе.

««Конде». Нейи. Квартал в районе площади Звезды. Авеню Рашель. Впервые за всю свою карьеру, проводя расследование, я испытывал желание перейти на другую сторону. Да-да, то есть последовать той же дорогой, какую выбрала для себя Жаклин Деланк» [4, с. 60].

Сена огибает шестнадцатый район и является своего рода последним этапом перед переходом с Правого берега на Левый. Переход с одного парижского берега на другой всегда является ключевым и значимым моментом для романов Патрика Модiano. Вот только сам он и многие из его героев сбегают на Правый берег Сены, в то время как Луки выбирает

противоположное направление. Вся ее прошлая жизнь, все детство и все несчастья собраны в недрах левобережья.

«Я спустился в метро и сел на поезд, следующий по ветке «Север-Юг», по той самой, что соединяла авеню Рашель и «Конде». Мелькали остановки, а я все погружался в глубь времен. Потом вышел на станции «Пигаль» и неспешно двинулся по бульвару. <...> Когда пересекал площадь Бланш, сердце мое забилося сильнее, я ощущал волнение, почти страх. <...> Все было тут знакомо, по кварталу я смог бы пройти и с завязанными глазами. «Мулен Руж», «Голубой Кабан»... Кто знает, может быть, я и раньше видел эту Жаклин Деланк, идущую по правому тротуару в «Мулен Руж» встречать мать, или по левому в то время, когда оканчиваются занятия в лицее «Жюль-Ферри» [4, с. 60 – 61]. Площадь Пигаль, играющая важную роль в судьбе Луки, хранящая ее прошлое, располагается в IX округе Парижа, между бульваром Клиши и бульваром Рошешуар, недалеко от базилики Сакре-Кёр, у подножья холма Монмартр. IX парижский округ, также называемый Район Опера, лежит на Правом берегу Сены. Площадь Пигаль и прилегающие улицы в конце девятнадцатого века были заняты художественными мастерскими и литературными кафе, самым знаменитым из которых было «Новые Афины». Пигаль присоединен к Сен-Жермен-де-Пре и некоторые темные персонажи, такие как Морис Рафаэль, двигаются между двумя этими точками. Французское сопротивление имело штаб-квартиру в катакомбах возле площади Денфер-Рошро, а подземные галереи использовались сотрудниками, чтобы незаметно перебраться с одного берега на другой [51, с. 13].

Сам Патрик Модриано узнал квартал Пигаль в юности, когда его мать, театральная актриса, допоздна задерживалась на работе. От безделья будущий писатель бродил по окрестностям театра и именно в квартале Пигаль он начал мечтать о новой жизни, жизни для себя. То же самое случается с героиней его романа, Луки, чья мать работала билетёршей в «Мулен Руж» и которая выросла в «Новых Афинах». Ее всегда влекла темная

часть квартала Пигаль, где она пристрастилась к чтению, наркотикам и эзотерике.

Как уже было отмечено, образ Луки во многом автобиографичен: так, ее мать, как и Луиза Кольпейн, была связана с театром. Пьер Кэслей, оказываясь в районе Пигаль, воплощает в себе те чувства, которые испытал некогда Патрик Модiano, оказавшись здесь же. Детектив ощущает присутствие Луки на бульваре. Фонари кажутся ему сигналами, которые невозможно расшифровать или определить время, из которого они посланы. Образ Луки родился в тот момент, когда Патрик Модiano, чтобы не томиться в ожидании спектакля в театре, отправился гулять по Парижу. И эти бесконечные фонари и девушки, курящие в барах, куда запрещено было входить, сильно впечатлили его. Ощущение Жаклин Деланк, которая родилась в тот момент, осталось на бульваре неизменного, воображаемого авторского Парижа.

Третьим повествователем становится сама Луки, Жаклин Деланк, и она начинает с воспоминаний о своем прошлом. «Звали меня не Луки, а Жаклин. А когда я впервые вышла одна на улицу, воспользовавшись отсутствием матери, мне было и того меньше. <...> Голова у меня тогда шла кругом. Мне казалось, что если я пересеку эту площадь <Бланш>, то сразу же упаду замертво. Очень страшно. Он, часто говоривший мне о «вечном возвращении», понял бы меня. Да, для меня все начиналось заново, словно встреча с теми людьми была всего лишь предлогом, а Ролан был послан для того, чтобы вернуть меня в мой настоящий дом» [4, с. 67-68]. Идея «вечного возвращения» тоже типична для романов Патрика Модiano, а идея пересечения площади, грозящая разрывом с прошлой жизнью, в какой-то степени является его личным воспоминанием.

Париж Луки мрачен, одинок и тревожен, в нем нет безопасных мест, нет точности, как и в Париже Модiano. Есть только место ожиданию и одиночеству, место бесчисленным страхам. Прогулки по кварталу не

приносили удовольствия. Площадь Бланш была своего рода границей, пересекать которую Луки не могла без ужаса.

Оказавшись в полицейском участке в результате одной из своих ночных прогулок и рассказывая о своем прошлом, Луки также напоминает самого Патрика Модiano. «Он слушал меня и что-то записывал в своем блокноте. У меня возникло новое чувство: пока он писал, мне становилось гораздо легче на душе. Меня больше не касалось прошлое, словно я говорила не о себе, а о ком-то другом, и при этом я испытывала облегчение от того, что за мной записывают. Записано черным по белому, а следовательно, окончено, зарыто в могиле, где похоронены имена и даты» [4, с. 72]. С той же целью писал свою «Родословную» Патрик Модiano, ощущения, испытываемые им в момент написания этой книги, сопоставимы с ощущениями Луки, рассказывающей о себе полицейскому. «Завершился целый этап жизни, жизни «предписанной» извне. Отныне я сама могла решать свою судьбу» [4, с. 73].

Ночные встречи с полицией происходили в девятом округе. В одну из встреч Луки столкнулась с «блондином огромного роста в овчинной куртке мехом внутрь» [4, с. 76], который, после посещения комиссариата, вышел на площади Бланш. Это блондин, как и площадь Бланш, сыграли значительную роль в жизни женщины. После этого случая ночные прогулки стали обыкновением. «Выйдя на улицу, я уже не пряталась в тени и шла по стороне «Мулен Руж». Уличные огни теперь казались мне еще более яркими, чем в кино. Меня охватывало пьянящее чувство легкости... Нечто подобное я испытала в «Сан-Суси», когда выпила бокал шампанского. К чему съеживаться и прижиматься к стенам? Чего бояться?» [4, с. 78].

Женщина по имени Жанетт Голь также играла заметную роль в истории жизни Луки. Ее имя, Голь (Gaul) означает по-немецки «район, округ», а Гауляйтер (Gauleiter) был главным районом в гитлеровской Германии. Ее прозвище, «Мертвая Голова», также не обещает ничего хорошего [51, с. 11]. Жанетт Голь была несколько старше, они познакомились в аптеке на площади

Бланш, куда Луки зашла для покупки веганина и флакона эфира. Оказалось, что она забыла деньги дома, и незнакомая девушка заплатила за нее. Эфир Патрик Модиано упоминает в своей автобиографии, ибо это вещество имеет специфическое воздействие на писателя: будучи ребенком, Патрик Модиано попал под машину и монахини, помогающие ему, усыпляли мальчика с помощью эфира. Боль и забвение – это те качества, которыми в писательском воображении обладает эфир. Вероятно, сочетание эфира и незнакомки, как предвестницы новой жизни, а также площади Бланш, пересечение которой ассоциировалось с окончанием жизни прошлой, - все это имеет некоторое символическое значение. Жанетт Голь уплатила за эфир для Луки, а позже перевела ее через площадь Бланш и навсегда разлучила с прошлым.

«Квартал был разделен на множество зон, участков, и я знала все их границы, даже невидимые глазу. Я стеснялась и не представляла, что нужно говорить, и поэтому добавила:

— Да, вверх по улице. А здесь — лишь первый круг.

Жаннет приподняла бровь:

— Первый круг?

<...> Робость моя куда-то улетучилась, и я стала объяснять, что такое «первый круг». <...> Первый круг начинался от сквера церкви Троицы и продолжался вплоть до замка Бруйяр и кладбища Сен-Венсан, то есть до северного спуска на Клинанкур» [4, с. 79].

Первый круг снова отсылает читателя к произведению Данте. Разделение Парижа на зоны – это то, чем занимаются большинство персонажей романов Патрика Модиано. Словно бы каждая из этих частей города обладает собственным «лицом», собственным характером и атмосферой. Город делится на округа, округа на кварталы, кварталы – на круги и это последнее разделение уже совсем незаметно для неподготовленного человеческого глаза.

«В тот раз я не заметила никого из посетителей. Нет, это место было совсем не похоже на «Конде»» [4, с. 80]. Луки часто сравнивает разные места

с «Конде» и приходит к выводу, что ничего похожего не находится. Тем самым подчеркивается особенность «Конде» и особенность его постоянных посетителей.

Луки и Жанетт Голь посещали много разных ресторанов. Они обзавелись сомнительными знакомыми и увлечениями. Однажды Луки пытается припомнить название бара на улице Ларошфуко, она перечисляет разные названия и одно из них – «Данте». В результате она останавливается на другом варианте, но упоминание о Данте подтверждает в очередной раз связь с «Божественной комедией». Благодаря этому упоминанию становится ясно, что Монмартр – это парижская версия Чистилища [51, с. 13].

Прекращение разгульной жизни наступило вместе с замужеством и переездом в Нейи. Там у Луки стали случаться приступы паники и она отправлялась на долгие ночные прогулки, пытаясь прийти в себя. Жанетт Голь посетила ее в новой квартире, сообщила о том, что все старые знакомые разъехались из Парижа и бояться больше нечего. Луки в очередной раз пыталась уйти от своей прошлой жизни, избавиться от нее. Сначала это произошло в полицейском участке, когда она говорила о своем детстве. Затем – когда она вышла замуж за Шуру и покончила с юношескими знакомыми и интересами. Вместе с Жанетт они бродили по улицам снова.

«Весь этот шум меня пугал, и я сказала Жаннет:

— Мы могли бы остаться на среднем из кругов...

Мы двинулись туда, где виднелись огни, по направлению к перекрестку с Нотр-Дам-де-Лоретт. Потом мы развернулись и пошли по другой стороне улицы, в обратном направлении. По мере того как мы спускались по улице, по темной ее стороне, мне становилось все легче. Главное, не останавливаться» [4, с. 90].

Снова упоминание о невидимых глазу кругах. Переход из одного круга в другой дается Луки нелегко. Она боится границ, боится «горизонтов», которые открываются и которые нужно пересекать. Возможность возвращения не кажется такой очевидной и стабильной. Темная сторона

улицы, несущая облегчение, здесь снова противопоставляется светлой стороне. Темное притягивает Луки все больше и больше, дарит легкость, взаимоотношения между светом и тьмой получают дальнейшее развитие.

Жанетт знакомит Луки с наркотиками, называемыми «снегом». «Она предложила мне втянуть носом белый порошок, который и назывался «снегом». В одно мгновение у меня возникло ощущение свежести и легкости. Теперь я была уверена, что тревога и чувство пустоты, что мучили меня там, на улице, больше никогда не вернутся. С тех пор как аптекарь с площади Бланш сказал мне про пониженное давление, мне казалось, что я должна сдерживаться, бороться с собой, контролировать себя» [4, с. 92]. Отчасти именно это толкнуло Луки на путь изменений. При помощи «снега» все тревожившие ее границы рухнули, осталось только пустое пространство. Отступил страх перед неизвестностью. Рамки вымышленных кругов вдруг оказались слишком узкими, тесными, раздражающими, требовалось избавление от них. В этот период жизни Луки значимое место занимает бульвар Клиши: место ресторанов, ночных прогулок, жилища Жанетт. Здесь же располагался любимый книжный магазин Луки, в котором она часто засиживалась допоздна. Бульвар Клиши называют центром ночной жизни Парижа, этот бульвар связан с именами Ван Гога, Жана Леона Жерома, Эдгара Дега и Уильяма Дидье-Пуже, Пабло Пикассо и другими. Но стоимость жилья в этой части Парижа довольно низка из-за постоянного уличного шума, музыки и яркого света неоновых вывесок. Здесь же находится кабаре «Мулен-Руж».

Кафе «Галоп», где Луки проводила время с Жанетт и компанией, тоже находилось на бульваре Клиши. Она часто пыталась уйти оттуда, больше не возвращаться, сжечь мосты. Но что-то не получалось. «Мне было невыносимо душно, и под этим предлогом я вышла на улицу. Выйдя, бросилась бежать. На площади вывески уже не горели, даже вывеска «Мулен Руж». Меня охватило пьянящее чувство, которое мне не могли доставить ни алкоголь, ни «снег». Я взбежала вверх по склону, до самого замка Бруйяр. Тут

же твердо решила больше никогда не встречаться с компанией из «Галопа». Потом я часто испытывала похожее ощущение, когда «сжигала мосты» за собой. Только в бегстве я чувствовала себя собой. Лучшие мои воспоминания — воспоминания о бегстве. Но жизнь всегда брала верх» [4, с. 95].

Переход из одного «круга» квартала в другой сопровождалось изменением физических ощущений. Словно атмосфера изменялась и Луки, двигаясь вверх, переходила из одного мира в другой — лучший и беспроблемный. «Едва ступила на аллею Бруйяр, я сразу почувствовала уверенность, что некто назначил мне здесь свидание, что снова я отправляюсь в путешествие. <...> Улица упиралась в небо, словно вела к краю пропасти. Я шла вперед, испытывая такую легкость, которая иногда охватывает вас во сне, и вы уже ничего не боитесь и смеетесь над вашими страхами. <...> Я дойду до края пропасти и брошусь в пустоту. Какое счастье — плыть по воздуху, в невесомости... это чувство, которое уже не покидало меня никогда. Ту улицу я помню всю до мельчайших подробностей, и утро помню, и небо...» [4, с. 95-96]. При совместном действии препаратов и мистических чтений, Рай для Луки мелькает где-то на улицах девятого округа и сливается с вершиной Монмартра, но привлекательность его оказывается фатальной. Долгий и трудный путь поэта в «Божественной комедии» заканчивается видением Бога и блеском, а для Луки, напротив, приводит к падению в пустоту [51, с. 16].

На этом моменте рассказ о Луки от лица нее самой заканчивается для читателя. И внимание переключается на последнего рассказчика, Ролана. Его встреча с Луки состоялась на улице Александр Кабанель (XV округ). Это значимый момент для Ролана. Желая побыть подольше рядом с понравившейся девушкой, он решает проводить ее до района Звезды, где, по ее собственным словам, она проживает. На мосту Бир-Хакейм через Сену Луки признается, что живет у мужа, в Нейи. До конца моста и затем на набережной она рассказывала о своей жизни, словно Ролан был другом ее детства, с которым она давно не виделась. Как уже было отмечено, переход

через Сену всегда является значимым моментом для героев романов Модiano, как и для него самого. Рассказ Луки, ее настроения и уровень откровенности менялись в зависимости от того, в каком месте города она находилась. Жизнь с мужем не приносит Луки счастья: Ролан отмечает, что при мысли о Нейи она становится мрачной, молчаливой, возвращение домой приводит ее в уныние. И это еще одно существенное отличие Луки от других персонажей Патрика Модiano и него самого. Нейи находится недалеко от Булонского леса, который, в воображении писателя, связан с положительными моментами. Другие героини романов ощущают себя спокойно и безопасно, находясь в тех местах, будто Париж остается где-то далеко вместе со всеми плохими воспоминаниями. Для Луки же это место неудавшейся попытки побега от действительности: вязкое, скучное и унылое. Для нее там нет спокойствия, так как ее спокойствие становится холодом и пустотой.

«Конде» встретилось ей случайно и привнесло в ее жизнь то чувство новизны и наполненности, которое было необходимо. Ролан никогда не был в этом кафе прежде и вообще не любил Школьный квартал. Луки получила свое новое имя в «Конде» и посещала его даже по вечерам, когда ее муж задерживался на работе, что случалось довольно часто. Всякий раз возвращение в Нейи давалось ей все сложнее. Нейи словно походило на какое-то бездонное болото, которое затягивало ее, лишало стремления к жизни, лишало радости. Ролан провожал ее до улицы Аржантин, недалеко располагалась отель, где жил он сам. И однажды она осталась с ним там, не прощаясь и больше не возвращаясь в Нейи. Мост Бир-Хакейм, чье название относится ко Второй мировой войне, служит виадуком воздушной железнодорожной линии номер шесть, которая соединяет станции «Наций» и «Звезды». Луки обычно пользовалась этой линией, чтобы вернуться к мужу в Нейи, но после встречи с Роланом она начала избегать этого маршрута. В свете преследования евреев во время оккупации, это нарушение связи между нацией и звездой является весьма значительным [51, с. 15]. Это же отражает

и сущность отца Патрика Модиано, которую он пытался постичь, отсылка к отказу от собственной идентичности.

Ролан рассказывает и о своих воспоминаниях. В этот момент, когда он погружается в прошлое, Париж изменился: нет больше магазина «Вега», нет Ги де Вера, благодаря которому он познакомился с Луки. Теория «нейтральных зон» принадлежит Ролану. «Я припомнил один текст, который настучал одним пальцем, еще когда знал Луки. Я назвал его «Нейтральные зоны». Существуют в Париже такие «переходные» места, «no man's land», где все существует как бы на грани бытия, не имеет постоянных форм или даже пребывает в незавершенном состоянии, но при этом обладает устойчивостью. Я мог бы назвать такие места «вольными зонами», но определение «нейтральные» мне показалось более точным. <...> Поэтому в том, что именно здесь я встретил Луки, нет ничего странного или случайного. <...> Там было еще посвящение: «Луки, из нейтральной зоны»» [4, с. 109-110].

Встречу с Луки Ролан объясняет «нейтральностью» той зоны, где эта встреча произошла. В таких зонах встретить можно было решительно кого угодно. Улица Аржантин, где он снимал комнату, тоже была такой «нейтральной зоной». Она находилась в VIII Парижском округе, недалеко от площади Звезды. По мнению Ролана, жители этих мест были мертвы в социальном смысле, навечно пропавшие без вести, никто не спрашивал документов, затеряться здесь было очень легко, а искать кого-то – бессмысленно. В этом суть «нейтральных зон». При этом «у нейтральных зон есть одно достоинство: они представляют собой пункт отправления, и их в любой момент можно покинуть» [4, с. 112]. Этими словами Ролан начал свой опус, когда одолжил машинку и отважно взялся за писательство. Это был тот самый день, когда Луки решила не возвращаться в Нейи. Они гуляли по «нейтральной зоне», которая ассоциировалась с убежищем. Левый берег Сены для Луки всегда был безопаснее. Все дурное оставалось на Правом берегу и, встречая старых знакомых из «темного» прошлого, Луки пугалась. «Слова «Левый берег» она произносила так, будто Сена представляла собой

демаркационную линию, отделяющую два вражеских города, этакий железный занавес» [4, с. 116]. Когда она переходила на Левый берег, то словно порывала с прошлым. Люди с Правого берега будто бы умирали, и она страшно удивлялась, когда встречала их вновь.

«Я стал замечать, что жить в нейтральной зоне довольно трудно. <...> Самое необычное в улице Аржантин (в Париже есть еще несколько улиц, похожих на нее как две капли воды) — это то, что она совсем не соответствует своему району. Она вообще ничему не соответствует, существует сама по себе. Покрытая снегом, она с обоих концов уходила в пустоту. Надо бы найти список улиц, которые представляют собой не только нейтральные зоны, но и самые что ни на есть черные дыры Парижа. <...> Да, со временем эта темная материя просто поглотила бы нас» [4, с. 120]. Луки не хотела жить близко к покинутому мужу, она предпочла бы найти место недалеко от «Конде» и Ги де Вера, чтобы ходить туда пешком. Ролан, в свою очередь, не желал возвращения к своему плохому детству, прошедшему в VI округе на Левом берегу. В результате Луки перебралась в четырнадцатый округ, на Левый берег Сены, а Ролан вернулся к площади Звезды, что на Правом берегу. Пугающие призраки из прошлого для Луки и Ролана словно жили по разные стороны одного моста.

В то время как Ролан вспоминает время, проведенное с Луки, он бродит по старым адресам. Так читатель узнает, что на месте «Конде» открыт теперь кожгалантерейный магазин «Принц Конде» и это изменение соответствует реальности. «Я остался один у кожгалантерейного магазина «Принц Конде». Подошел к витрине и приник к ней лицом, чтобы посмотреть, сохранилось ли там еще что-нибудь от кафе? <...> Нет, ничего. Все было переделано и затянуто оранжевого цвета тканью. И так можно сказать обо всем квартале. Теперь здесь не встретишь призраков прошлого — даже они умерли» [4, с. 135]. Период жизни, в котором было место Ги де Вера, Луки, Жанетт Голь и прочим знакомым, где посещалось кафе «Конде» и писались «Нейтральные зоны», безвозвратно утерян. Ролан восстанавливает какие-то отрывки в своем

воображении, Париж строится из его воспоминаний, но это уже утраченный Париж. Ностальгически-грустный. Он воссоздает собственные ощущения, как бы возвращая былое. «В другой раз я решил пройтись по улочке, обсаженной платанами. По обеим ее сторонам высилась стена, разделявшая надвое кладбище Монпарнас. <...> Я забыл занести эту улицу в свой список нейтральных зон. Скорее она была границей. Когда мы доходили до ее конца, то попадали в страну, где чувствовали себя полностью защищенными от любой беды» [4, с. 137-138].

Граница, разделяющая кладбище Монпарнас, это граница между первым кругом Ада Данте, который накладывается на пространство этого романа, и преддверием, где когда-то обитала Луки. Выход из зоны первого круга нес облегчение и чувство защищенности. Там Ролан получает иллюзию того, что сейчас увидит Луки снова, когда это уже невозможно. И он опять думает о «вечном возвращении» Ницше, книгу которого обнаружил случайно. Идея «вечного возвращения» преследует большинство героев романов Патрика Модяно. Она преследовала и его самого: несмотря на желание покончить с прошлым, именно прошлое таит в себе ответы на мучавшие его вопросы. Современный Париж не может объяснить того, что произошло раньше. И единственная возможность приблизиться к разгадкам – погрузиться в раздумья, в собственный Париж, и попытаться пережить все заново. Париж Модяно – это в большей степени Париж его загадочных родителей, которые познакомились во время оккупации и тем самым будто бы определили его дальнейшую жизнь в поиске.

Набережная Анжу (IV округ), где проживал общий знакомый Ролана и Луки, рыжебородый любитель поэзии Боб Стормс, была значимым местом для этой истории. Именно там Боб Стормс вручил им ключи от своего дома на Майорке, куда настоятельно звал их обоих. И для Ролана эти ключи, весельчак Боб Стормс и загадочная Майорка стали символом некоторой будущей новой жизни: без прошлого, без страхов и без Парижа. И пускай на Майорку они никогда не попали – в тот момент он верил в светлое будущее,

которое непременно наступит. История этой любви близилась к концу в тот момент, но для Ролана это выглядело самым настоящим началом.

Луки часто посещала предместье Отей, где встречалась с другом матери, который помогал ей. Ролан ожидал ее неподалеку от гаража, на улице. Это место, на его взгляд, чем-то неуловимо отличалось от остального Парижа. И именно там, возвращаясь к станции метро на площади д'Эглиз, единственный раз в жизни Ролан ощутил «настоящее вечное возвращении», он неожиданно понял, что ему действительно нечего терять. «Та мысль пришла мне в голову, когда мы спускались по ступенькам станции «Эглиз д'Отей». <...> Мы так и стояли, окруженные вечностью; казалось, что эту прогулку по Отей мы уже совершали тысячи и тысячи раз в наших прошлых жизнях. И не нужно даже смотреть на часы. Я знал, что они всегда будут показывать полдень» [4, с. 145]. Часы, показывающие полдень, в романах Модяно символизируют новое начало, следующий жизненный круг. И если Ролану удалось ощутить вечность в мгновении, то для Луки, вероятно, такой исход дела невозможен. Она чувствовала себя счастливой не в каждый отдельно взятый момент, а лишь в те моменты, когда убегала от самой себя. Ее счастье было возможно только в бесконечном странствии по городскому лабиринту, который, будучи слишком большим для нее, тем не менее, действует удушающе. Разумеется, это не могло длиться вечно. Прошлое рано или поздно настигает человека, снова и снова. Именно поэтому Луки, живущая в страхе от того, что прошлое снова проявится, решила покончить с собой. «Это произошло в ноябре. В субботу. Все утро и большую часть дня я сидел у себя, на улице Аржантин, и работал над «Нейтральными зонами». <...> Я собирался в ближайшее время покинуть улицу Аржантин. Мне казалось, что я вполне излечил свои раны, нанесенные мне в детстве и юности, и отныне мне было совершенно необязательно прятаться в нейтральных зонах» [4, с. 146].

Прошлое отпустило Ролана, он нашел себя и свое призвание. Его часы действительно «показывали полдень». О смерти Луки он узнал в «Конде», с

которого все и начиналось. Она выбросилась из окна и Жанетт Голь не успела остановить ее. Круг замкнулся.

В автобиографии Патрик Модiano пишет о самоубийце, выбросившемся из окна, им оказался неприкаянный материнский пес, с которым писатель ощущал невероятную душевную близость. Луки, не нашедшая своего места в жизни, потерянная и вечно убегаящая, закончила свой путь аналогично. И для Ролана мир тоже изменился с ее уходом. «С этого момента в жизни моей воцарилась пустота... Белое пятно. Это было не только лишь ощущение пустоты, но и невозможность далее следовать в выбранном направлении. Вспышка белого лучистого света ослепила меня. И теперь так будет всегда, до самого конца» [4, с. 147].

Роман заканчивается встречей Ролана с Пьером Кэслеем, детективом, и их совместной прогулкой по улице Дидо (XIV округ, Левый берег Сены).

В каждой главе имеется определенный центр тяжести, состоящий из одного или двух конкретных мест. В первой главе это VI округ, который покидается ради XIV округа, фигурирующего в последней абзаце. Вторая глава описывает Нейи (XVI), и границу IX и XVIII округов (бульвар Клиши). В центре романа – история Жаклин, разворачивающаяся в IX и XVIII округах (улица Бланш, Пигаль, Монмарт), при этом все конструируется вокруг центральной площади. В последних главах от площади повествование переносится к XIV, XV и XVI округам. Эти точки соединены маршрутами персонажей [51, с. 5].

Очевидна ориентация на «Божественную комедию». В сочетании со вторым городом, подземным, Париж, город света, становится ареной дантовского путешествия. Эта суперпозиция двух совершенно разных вселенных, использование средневекового представления о мире, проецируемом за его пределы. Для гедонистического города XX века это является неожиданным и плодотворным поворотом. Знакомые места обогащаются символикой света и тени, заостряется внимание на местах христианского происхождения, а также на всей древней истории города. Это

придает смысл странствиям героя, который находится в поиске духовного идеала. Это особое виденье Парижа, сквозь которое читатель может заметить и другие романы Патрика Модяно [51, с. 17].

Совсем недалеко от Одеона расположилось кафе «Конде». Там собираются «темные личности», которые являются излюбленными героями Патрика Модяно. Они пользуются вымышленными именами, не рассказывают ничего о себе и прячутся в «Конде» от своих проблем и одиночества. Вопреки обыкновению и собственному прошлому, Модяно наделяет Луки стремлением к Левому берегу, все ее страхи и невзгоды таятся на Правом. Ролан – противоположность, он стремится убежать с Левого берега на Правый, ощущая себя в безопасности именно там. Его детство, как и детство писателя, прошло в VI округе Парижа и он, прожив томительные и несчастливые молодые годы, при помощи писательства и долгих прогулок по улицам города, обретает свободу от самого себя. Все его детские страхи развеиваются, «часы показывают полдень», он получает возможность двигаться дальше.

Нейи и Булонский лес, места, где прошло детство Патрика Модяно, являются также значимыми местами в судьбе Луки, эти точки Парижа ассоциируются с нею. Там она живет с нелюбимым мужем, стараясь убежать от ошибок молодости и своего прошлого. Для нее это места с отрицательной атмосферой, удушающе тесные и холодные. Ее сущность не позволяет ей надолго оставаться на месте, она убивает саму себя, потому что не знает собственной сути. Ей не суждено обрести покой и она умирает в метаниях, в каких прошла все ее жизнь.

Площадь Бланш представляет собой некий незримый фронтир, переход от «преддверия», которым было названо кладбище Монпарнас, к «первому кругу». В площадь Бланш упирается бульвар Клиши, устремившись вверх по которому Луки ощущает узкость границ, в которых живет.

Если проследить жизненный путь Луки по карте Парижа, то видно, что сначала она обитала в самых отдаленных местах Правого берега Сены, в

XVII и XVIII парижских округах. Стремилась вырваться оттуда и перебиралась все ближе и ближе к Сене. Ее манил Левый берег, суливший избавление от страхов и от прошлого. Ей удастся пересечь Сену, оказаться в VI округе и будто бы найти себя в «Конде». Но все это лишь временно. Она заканчивает свой жизненный путь на другом конце Парижа, в недрах Левого берега Сены, в XVI квартале, в больнице недалеко от улицы Дидо. Ей никогда не было суждено увидеть Майорку или вырваться за пределы Парижа.

Только карты города в данном романе недостаточно. Важной становится и карта метро. Поездки персонажей смоделированы по примеру пути поэта-рассказчика в «Божественной комедии»: из «преддверия» они ведут в Ад, Чистилище и, для Жаклин, в Рай [51, с. 16].

Теории «точек пересечения» и «нейтральных зон», как и «вечное возвращение», являются важными элементами не только данного романа, но и в целом романов Модiano. «Точки пересечения» разрабатывают идею того, что каждый персонаж может неумышленно встретить другого персонажа в любой точке города в любое время. «Нейтральные зоны», разбросанные по Парижу, являются местами безликости и вневременности, где может потеряться кто угодно и откуда может выбраться кто угодно. Это своеобразные «белые пятна» на карте, самые безопасные места, где не происходит ровным счетом ничего. Это места, где можно отдохнуть от своих воспоминаний и проблем, места, где можно встретить кого угодно, и отчасти именно эти случайные встречи становятся судьбоносными. Такой «нейтральной зоной» является набережная Аржантин, где живет Ролан. Набережная Аржантин находится недалеко от площади Звезды, которая ассоциируется у Патрика Модiano с загадочной фигурой отца, который, будучи евреем, постоянно пытался скрыть детали собственного происхождения.

Маршруты, которые описывает Патрик Модiano на карте Парижа, кажутся довольно случайными. Но каждое название является перекрестком, которому читатель может дать собственную трактовку. «Кафе утраченной

молодости» - это две матрицы, наложенные друг на друга: шестидесятые годы и оккупация, десять районов, два кладбища. Символы, кажется, стоят в случайном порядке, согласно теории дрейфов ситуационистов, но если проследить все скитания по городу – оказывается, что это запланированное путешествие по общественным и личным мемориалам [51, с. 16].

Анализ топоса Парижа в этом романе доказывает, что Модiano строит вымышленный мир на основе собственной биографии, своего восприятия города, делая своих персонажей выразителями собственных блужданий в поисках идентичности.

2.2 Образ Парижа в романе Патрика Модiano «Горизонт»

«Горизонт» (L'Horizon) - роман Патрика Модiano, написанный в 2010 году, после «Родословной» (2005) и «Кафе утраченной молодости» (2007). В романе повествуется о некоем мсье Босмансе и его возлюбленной, Маргарет ле Коз, чья любовная история покрыта тонкой сетью наполовину стертых, потерянных, порой даже страшных воспоминаний, которые они оба пытаются собрать воедино. В основу отношений героев положен реальный роман между Луизой Кольпейн, матерью Патрика Модiano, и писателем Жаном Ко.

Как и в прежних романах, Париж предстает перед взором читателя в туманной дымке старых впечатлений и событий, которые, возможно, никогда не случались. Мсье Босманс – выпускник учебного заведения с военным уклоном, непрофессиональный писатель, периодический работник издательства «Песочные часы». Его «призрак» из прошлого – родители, везде и всюду неотступно преследующие его наяву и в воображении. «Представь себе пожилую пару, мужчину и женщину лет пятидесяти <...> У нее огненно-рыжие волосы, холодные злые глаза. Он брюнет, похож на священника-расстригу. Рыжая женщина – моя мать» [7, с. 38]. Единственное, что требует эта пара от своего сына – деньги. Неизменно, в разных частях Парижа, наполовину лишенный воспоминаний о прошлом, Босманс оказывается охвачен чувством ужаса, навеянного местами, которые его окружают. Во

мраке этих мест мороками выступают «рыжеволосая женщина», его мать, и ее муж, мужчина, писавший стихи и раскритиковавший все попытки писательства героя. Обыкновенно он встречал пугающую пару в XIV квартале. Впоследствии он перебрался в другую часть Парижа, а неотвратимые визитеры превратились только в воспоминания о них. Спустя тридцать лет он встретил женщину одну, на улице Сены, уже не рыжеволосую, а седую, в бутылочно-зеленом плаще армейского покроя и с палкой, заменяющей альпеншток. «Он остановился там, где прежде было кафе «Фрейс», и смотрел ей в глаза, окаменев, словно встретился с горгоной. Мать сверлила его взглядом, вызываяще вздернув подбородок. Затем извергла поток ругательств на гортанном каркающем языке, – Босманс не понял ни слова. Замахнулась палкой, целясь ему в голову. Но он был слишком высок, и удар пришелся в плечо, причинив нешуточную боль» [7, с. 42-43]. Официальная мать в очередной раз хочет получить деньги, пускай даже встреча произошла случайно. Но Босманс забыл деньги, поэтому он продолжает свой путь и с каждым шагом его отношение к ситуации меняется. «Дойдя до сквера на улице Мазарини, обернулся. Она по-прежнему стояла неподвижно с высокомерным гордым видом. <...> Господи, каким смешным и ничтожным становится со временем все, что прежде причиняло страдания, какими жалкими кажутся люди, навязанные нам в детстве и юности волей случая или злым роком. От прошлых бед не осталось ничего, кроме убогой старухи немки, дряхлой альпинистки в бутылочной униформе, застывшей на тротуаре с альпенштоком и сумой» [7, с. 43-44]. Таким образом, Босманс постепенно избавляется от всех тревоживших его в прошлом воспоминаний. И эта часть Парижа – та, в которую он стремительно направляется, – кардинально меняет его настроение. «Босманс расхохотался. Перешел Сену по мосту Искусств и наконец оказался во внутреннем дворе Лувра» [7, с. 44]. Одни места в Париже оказываются под влиянием старых страхов, другие напротив, наполняют Босманса силой и верой в хорошее будущее.

Маргарет ле Коз родилась в Берлине, от матери-француженки, несмышленишем попала во Францию и воспитывалась в интернате. Ее судьба – судьба человека, которому так сложно совладать с окружающим миром, - преисполнена трагизма. Один неудачный момент, одна допущенная слабость повлекли за собой целый ряд событий и целую молодость, наполненную ужасом, гонениями и попытками избавиться от ненавистного прошлого. Автор мастерски перебрасывает читателя из воспоминания в воспоминание, из года в год, из человека в человека. Из воображения Босманса мы оказываемся в метаниях Маргарет ле Коз, узнаем, что случилось с ней в далекой юности, затем снова переносимся на годы вперед, где гуляем с Босмансом и ле Коз по улицам Парижа... Весь роман – это словно кусочки мозаики, которые читателю необходимо соединить. Точно так же, как герои вспоминают детали своего прошлого, читатель постепенно узнает все больше про их жизнь.

В юности Маргарет ле Коз знакомится с Бойевалем, который из приятного знакомого превращается в кошмар, неотступно преследующий ее годами. Внешне имеются некоторые сходства между Бойевалем и мужчиной, похожим на тореадора или священника-расстригу, который сопровождает мать Босманса: оба подстрижены бобриком, оба сероглазые, с узкими лицами, выдающимися скулами и ввалившимися щеками.

Остается неизвестным, что необходимо Бойевалю, почему он не воспользовался слабостью героини, и что же заставило его впоследствии стать воплощением ее ужаса. Впервые Маргарет встречает Бойевалю в Аннеси, затем сталкивается с ним в Швейцарии, в Лозанне, где находится под покровительством своего работодателя и возлюбленного Багериана. Между ним и Бойевалем происходит стычка, в результате которой Багериан бьет Бойевалю, однако последнего это не останавливает. Он продолжает свои методичные преследования Маргарет ле Коз. Но возможно это все только чудится ей.

Револьвер в замшевой куртке, игры с ножом, ухмылка и блеск глаз – все в воспоминаниях Маргарет ле Коз указывает на то, что этот страшный человек никогда не был и не мог быть чем-то иным, нежели нависшей угрозой. Пощечина, которой он «наградил» Маргарет за проявленную слабость, последующая паника, обуявшая его, выглядит скорее обескураживающе, нежели возмутительно. После он приносит свои извинения, но Маргарет ле Коз боится. Начинается длинная череда перемещений, в попытке защититься от опасности и скрыться от Бойеваля. В жизни Маргарет ле Коз появляются и исчезают знакомые, возлюбленные, люди, желающие ей помочь, люди, которые пугают ее еще больше, но которые никогда не были связаны с человеком по имени Бойеваль. Ее воспоминания заполняются новыми деталями, порожденными ее собственным воображением. И это заставляет ее бежать от прошлого все быстрее и дальше.

В Париже по счастливой случайности они сталкиваются с Босмансом, который в некотором смысле помогает ей и вскоре становится союзником, безопасной гаванью, в которой она укрывается от невзгод собственной юности. Потерянные люди, люди с загадочным прошлым, из темноты которого смотрят на них их собственные ужасы. Они не находят убежища и не исцеляются, однако же они вместе и это чувство общности объединяет их крепче любых других чувств. Это становится для них обоим предвестником новой жизни, новыми воспоминаниями, зарождающимся новым Парижем, который получает другую эмоциональную наполненность и окраску. Мадемуазель ле Коз все еще панически боится Бойеваля, однако ее страхи беспричинны, так как она ни разу не встречает его на улицах Парижа.

В одной из сцен ей кажется, что она видит Бойеваля, который чистит ботинки, сквозь стекло в освещенной комнате. Босманс заходит в помещение с твердым намерением положить конец этой истории, но человек этот оказывается не Бойевалем. Париж представляется городом, наполненным

призраками, которые иногда пугают, однако же остаются иллюзорными. На протяжении всего романа герои отчаянно борются с ними.

Маргарет ле Коз находит очередную работу – присматривать за мальчиком в отсутствие его родителей. Когда дома никого не остается, она приглашает туда Босманса и они проводят несколько спокойных часов вдали от городской суеты и возможных пугающих встреч. Маленький Петер и его родители – начало очередного конца, хотя об этом герои сначала не догадываются. Арест доктора и его супруги порождает новую волну ужаса, Маргарет ле Коз бежит назад в Германию, обещая Босмансу выслать свои координаты и дожидаться его. Однако же Германия поглощает ее, делая одним из тех туманных воспоминаний, которые судорожно вписывает Босманс в блокноты с черной кожаной обложкой. Не приходят письма, не звонит телефон, а вскоре жизнь выходит на новый этап и сжигает старые мосты. Босманс сталкивается с прошлым в виде Моровея или Ивонны Левши, но не решается прикоснуться к этому прошлому, даже чтобы понять его.

В конце концов, он отправляется в Германию, где находит единственную зарегистрированную Маргарет ле Коз. И его жизнь, наконец-то, налаживается. «Долгая ходьба его утомила. Но на душе стало светло и спокойно, он был уверен, что вернулся к отправной точке всей своей жизни, оказался в том же месте, в то же время года, в тот же день, в тот же час, будто стрелки, большая и маленькая, дружно указывали полдень» [7, с. 171]. Чтобы получить возможность жить новой жизнью в новом Париже, Босмансу приходится покинуть Париж и отправиться в принципиально иное пространство. Снова встретиться с Маргарет ле Коз, без которой новая жизнь невозможна, и именно тогда жизнь словно пойдет по второму кругу, снова от отправной точки. Часы, показывающие полдень, символизируют возвращение.

Все это время Париж выступает не только декорацией, но и одним из героев романа. Иногда положительным, иногда отрицательным, иногда

глядящим из-под плотной завесы прошлого, а иногда явным, как никогда прежде.

Для читателей этого романа, Париж начинается с авеню Опера, где герой прогуливается вблизи бульваров и Товарной биржи, пытаясь собрать воедино обрывки собственных воспоминаний и восстановить картину своей жизни. То есть он занимается теми же попытками разобраться в прошлом, которые предпринимает и автор этого романа. Авеню Опера создавалась с 1864 по 1879 года в рамках реконструкции Парижа. Она расположена в центре города, простирается на северо-запад от Лувра до Дворца Гарнье, Первой Парижской Оперы (до открытия Оперы Бастилии в 1989 году). Территория между Лувром и большими бульварами была очищена от районов трущоб, которые считались нездоровыми и опасными. На северо-западном конце авеню, напротив Оперы, расположена площадь Оперы, из которой расходятся в разные стороны несколько улиц. На авеню совершенно нет деревьев.

Авеню Опера ассоциируется у Босманса не только с приятными встречами с мадемуазель ле Коз, но также с чем-то веселым и в тоже время постыдным, связанным с деятельностью «Веселой компании». А также со страхом потерять Маргарет в толпе, не увидеть ее, не остановить, то есть снова остаться одному и утратить надежду на спасение. Именно Маргарет ле Коз и знакомит его с «Веселой компанией», которая состоит из ее коллег. Коллеги эти неприятны и ей, и Босмансу, тем не менее, авеню Опера и прогулки по ней занимают значительную часть их жизни, поскольку именно там располагалась контора, где Маргарет и работала.

Позже читатель узнает о том, что знакомство Маргарет и Босманса состоялось на площади Опера, во время столкновения двух противостоящих сил: «В тот вечер на площади Опера собрались демонстранты, они стояли на газоне, а напротив них растянулись цепью вдоль бульвара солдаты роты республиканской безопасности, видимо, в ожидании правительственного кортежа. Босмансу удалось пробраться к входу в метро до того, как между

ними произошло столкновение» [7, с. 22]. Тем самым, аллея Опера становится для героя местом концентрации самых ярких и в большей степени положительных воспоминаний. На площади Опера он получает шанс новой жизни, хотя сам не замечает этого.

Во время скитаний по городу, подсчитывания домов и разглядывания зданий на ум герою приходят все самые важные детали. Авеню Опера наталкивает его на воспоминания о людях, о голосах и о внешности, о мелочах, которые некогда казались невероятно значимыми. Таким образом, окружающее пространство берет на себя роль устройств, призванных восстанавливать определенные фрагменты жизни Босманса в его собственной памяти.

Важную роль в произведении играет Мост Искусств, первый железный мост через Сену, соединяющий по прямой Институт Франции (Левый берег) и квадратный двор Луврского дворца (Правый берег), который именовался «дворцом Искусств» в эпоху Первой империи. У Моста Искусств есть и романтический ореол - долгое время пары вешали там замки в знак вечной любви. Правый берег традиционно считался буржуазным и помпезным, Левый же, с его Латинским кварталом и районом Сен-Жермен-де-Пре, стал синонимом веселого студенчества, «новой волны», Сартра и Симоны де Бовуар.

Левый берег символизирует для Босманса старую жизнь и старые воспоминания, страхи, вьющиеся над XIV округом. Правый берег – новая жизнь, новые воспоминания и новые надежды. Воспоминания о Маргарет ле Коз. Пересечение моста – как переход из одного мира в другой, из ужасного и страшного Парижа – в новый и прекрасный.

Тем не менее, спустя годы Босманс осознает, что нет уже того Парижа, который его пугал. «Он впервые гулял в этом парке, разбитом на месте винных складов Берси. А на другом берегу Сены вдоль набережной, теперь уже не называвшейся Вокзальной, построили небоскребы. Он никогда их не видел прежде. Возник новый Париж, не имеющий ничего общего с Парижем

его детства, и ему захотелось все там разведать, рассмотреть улицы и дома» [7, с. 127]. Левый берег – прогрессивность, новаторство и блеск. Но это еще и «мировоззрение», центр культурной и богемной жизни, в отличие от «правобережной» территории буржуа. Левый берег получил толчок в своем развитии, изменился и возрос, поглотив все обрывки старых воспоминаний, сколь плохими или хорошими они бы ни были. И Босманс, внутренне готовый к принятию этих перемен, чувствует стремление к новому, к познанию и к изменениям. Он ощущает приближение новой жизни, яркий свет в конце мрачного коридора иллюзорных страхов и воспоминаний. Прогуливаясь по набережной, герой видит девушку, которая кажется ему очень похожей на Маргарет. Следуя за ней, он все больше и больше убеждает себя в том, что это действительно мадемуазель ле Коз, он раздумывает, стоит ли привлечь ее внимание, но приходит к выводу, что необходимости в этом нет. Тем не менее, он уверен, что данная встреча неизбежна. «Незачем догонять ее, – подумал он. – Она все равно меня не узнает. Но однажды свершится чудо, и мы с ней встретимся в одном коридоре. И у нас начнется новая жизнь в новом Париже» [7, с. 128].

Париж, как символ мрака и безысходности, уходит на второй план, очищается, показывая героям и читателю мифический «новый Париж», в котором каждый обязательно начнет новую жизнь. Данное перерождение всенепременно произойдет. Босманс находит Бойавалья, который занимал так много места в его мыслях во времена знакомства с Маргарет ле Коз. Единственный Бойаваль в Париже – Ален Бойаваль, владелец конторы по продаже недвижимости на Правом берегу, а также квартир в новых домах на Левом. Бойаваль теперь «Сероглазый седой человек, подстриженный бобриком. В сером костюме, под цвет глаз. Узкое лицо. С выступающими скулами» [7, с. 129]. И Босманс не знает, что сказать этому человеку, которого он никогда прежде не встречал и который все это время был только страшным образом. Но образ этот теперь утратил все свои отличительные особенности и потерял былую актуальность. Тем не менее, Босманс

упоминает о том, что знал раньше некоего Бойаваля и этот новый, совершенно реальный Бойаваль проявляет беспокойство. Он уже покинул свое прошлое, оставил его позади и забыл.

«Он указал на те самые небоскребы на набережной, неподалеку от парка, которые Босманс недавно внимательно рассматривал, поскольку не видел их прежде.

– Совсем новый район? – спросил он.

– Да, эти дома построили лет пять назад, не более того. Я сам живу в одном из них. Каждое утро перехожу через мост и уже в агентстве. В старом Париже почти не бываю» [7, с. 131].

Старый Париж – как символ темного прошлого – Бойаваль не посещает. Он все еще живет на Левом берегу, том, который был для других персонажей романа пристанищем плохих воспоминаний и невзгод, но живет в Новых домах, в «новом Париже», куда все стремятся. Он пересекает мост между резко отрицательным и резко положительным, как это было раньше, и оказывается в своем агентстве на Правом берегу. Тем самым подчеркивается его окончательный разрыв с тем Бойавалем, который был известен читателям по воспоминаниям и рассказам Маргарет ле Коз. Тем не менее, факт того, что это «тот самый Бойаваль», подчеркивается. «Он положил левую руку плашмя. Правой взял с блюдечка ложку и принялся тыкать ее черенком в стол между растопыренными пальцами левой. Босманс не мог отвести взгляд от бесчисленных шрамов на тыльной стороне ладони и на пальцах, безымянном и среднем. Можно подумать, что эту руку некогда безжалостно изрезали ножом» [7, с. 134].

При попытках Босманса напомнить Бойавалю о прошлом, в нем проявляются черты того человека, которого боялась Маргарет ле Коз. «Его голос внезапно стал хриплым, черты лица смягчились, в улыбке проглянула грусть, – Босманса удивила эта перемена. Он заметил, что у Бойаваля рябоватая кожа на скулах, будто с помощью ультрафиолетового или инфракрасного излучения мог разглядывать это лицо в мельчайших

подробностях» [7, с. 132]. Однако же эта внешняя перемена длилась всего несколько мгновений. Старого Бойавалья больше не существует, как и «старый Париж» постепенно вытесняется новым. Выясняется, что новый Бойаваль не помнит своего прошлого, не уверен он в том, действительно ли «тут когда-то росли платаны, их ветви смыкались зеленым сводом... На набережной рядами стояли бочки...» [7, с. 133], видел он их на самом деле или нет, не помнит и мадемуазель ле Коз. Париж поглотил все его деяния вместе с воспоминаниями, поэтому он больше не должен посещать «старый Париж». Поэтому его жизнь оказывается в рамках между тринадцатым кварталом с небоскребами, мостом через Сену и агентством на Правом берегу. Он обещает Босмансу список квартир в тихом месте на солнечной стороне, тем самым это становится как бы гарантией новой жизни, которая видится Босмансу.

В романе все герои, запутавшиеся в собственных наполовину потерянных воспоминаниях, «перерождаются» вместе с «перерождением» Парижа. Босманс получает шанс на новую жизнь, при этом теряя понимание о старой. Бойаваль снует по извечному маршруту, взамен на отказ от прошлого. Что касается Маргарет ле Коз – ее «перерождение» для Парижа мы видим глазами Босманса, он сам называет девушку с пустой коляской, встреченную им на набережной, Маргарет ле Коз, какой он ее знал, или ее новым воплощением.

Стоит отметить, что здесь пространство открытое, герои прибывают извне и покидают пределы Парижа, чтобы разорвать старые связи и построить что-то новое. Им это удается. Их жизнь, хоть и была замкнута рамками одного города в какой-то период времени, оказывается все-таки свободной. Возможность новой жизни для героев романа «Горизонт» не иллюзорна, но, как и у персонажей других романов Модigliano, эта возможность предоставляется им в весьма зрелые годы. Молодость же окрашена вечными скитаниями, бегством, которое дарит обманчивое ощущение свободы и безопасности. Они пугаются собственных теней,

встречают несуществующих людей, обманываются и находятся в постоянных попытках понять самих себя. Они отказываются от своего прошлого и будто бы перечеркивают его. Герои этого романа – это преобразившиеся люди периода оккупации, которые чувствуют вину за то, что теряется в туманной дымке пережитых лет и событий. Прошлое оказывается настолько разорванным и разобщенным, настолько тяжелым для них, что они создают себе иллюзию другой жизни, приписывают ей несуществующую «нормальность» и стараются забыть то, что выбивается из новой картины мира. В то же время они ищут ответы на старые вопросы, пытаются разобраться в том, что произошло много лет назад, заглянуть за темную завесу таинственности.

Большая часть событий происходит в открытом городском пространстве. Походы в конторы, кафе, чужие квартиры и гостиничные номера – это временное укрытие от суровой реальности, а постоянная смена адресов помогает оставаться инкогнито.

Париж оказывается местом, где прошлое и настоящее сливается воедино. Вырваться из этого в какой-то период времени не представляется возможным. Герои должны столкнуться с собственными страхами, пережить заново то, что хотелось вычеркнуть. Сначала они блуждают по старому Парижу, затем вырываются на Правый берег и странствуют по другим улицам, боясь встретить напоминания о былом. И на самом деле все их страхи оказываются живущими только в их воображении. Ни Босманс, ни Маргарет ле Коз не встречают на Правом берегу тех, кто причинял им зло в прошлом.

Разделение Парижа Сеной на две половины поначалу обладает ощутимой категоричностью: и Босманс, и Маргарет ле Коз, и второстепенные персонажи стремятся перебраться с Левого берега Сены на Правый, полагая это решением своих проблем, возможностью избавиться от пугающего прошлого и найти нечто новое. Но в финальной части Левый берег перестает быть местом концентрации исключительно отрицательного, он сам

становится символом новой счастливой жизни. Прогресс, который кардинально изменил левобережный Париж, поглотил прошлое. На улицах, среди выросших небоскребов, герои больше не могут встретить пугающих призраков, которые преследовали их годами. Старого Парижа больше нет, и появился шанс начать все сначала. В некотором смысле это самый оптимистичный роман Патрика Модяно из всех рассматриваемых.

Как и в других романах писателя, в «Горизонте» герои являются типичными «потерянными людьми», пытающимися найти себя в постоянно ускользающих и расплывчатых образах собственного прошлого. Ясно видно деление Парижа Сеной на два берега, где Правый берег символизируют новую жизнь и новые возможности, является желаемым для всех героев романа. Левый берег, в свою очередь, воплощает в себе обитель всех тех ужасов, избежать которых герои пытаются. Однако же ответы на их вопросы, их прошлое находится на Левом берегу. В конце романа Левый берег получает положительную окраску. Париж, несмотря на то, что переход между Правым и Левым берегами Сены оказывается вполне осуществимым, тем не менее, не выпускает людей из своих сетей. Они вынуждены быть вечными скитальцами мрачных улиц, бегущими от самих себя в поисках собственной сути. В конце романа Босманс и ле Коз успешно преодолевают замкнутую ауру французской столицы и обретают счастье в Берлине. В этом преодолении присутствует некоторая цикличность, поскольку ле Коз приехала в Париж из Германии, а мать Босманса была немкой. Метания юности для них обоих завершились возвращением к своим корням. Тот исход, который представлялся желаемым и самому Патрику Модяно.

2.3 Образ Парижа в романе Патрика Модяно «Ночная трава»

Последний рассматриваемый в работе роман – «Ночная трава» (*L'Herbe des nuits*), который был опубликован в 2012 году. Этим романом писатель продолжает начатые «поиски утраченного времени», пробираясь все глубже и глубже в узкие недра памяти. В лице героев этого романа все та же заблудившаяся эпоха пытается осмыслить свое настоящее. Воображение, то

есть вымышленное, не так важно для Патрика Модiano, как вспомненное. Он не стремится к «чистоте» эксперимента, воспоминания – это иллюзии сознания познающего субъекта. Здесь за основу принимается постмодернистская концепция следа, где и процесс, и результаты художественного познания по сути своей субъективны. Это воображаемые слепки исчезнувшей или никогда не существовавшей реальности [17, с. 3].

Данный роман продолжает творческий ряд писателя, где в основе лежит «расследовательская» деятельность сознания, направленная на заведомо неполную реконструкцию прошлого, жизненно важного для читателя и героя. «По внешним признакам расследование порой напоминает психологический детектив, в котором интерес связан с персонажем, слегка, но постепенно все отчетливее окрашенным оттенком неприкаянности, аутсайдерства, криминальности» [17, с. 3]. Очевидно и противопоставление света и тени, которое отчетливо проявило себя в романе «Кафе утраченной молодости». Отсылки к этому противопоставлению зашифрованы уже в самом названии «Ночная трава». В этом названии содержится множество семантических аллюзий, которые уходят своими корнями в мифологические представления. «Геката, в древнегреческой мифологии, как известно, – богиня ночи, властительница мрака, властвовала над всеми привидениями и чудовищами, ночными видениями и чародейством. В первичной природной, архетипической семантике эпитет «ночной», «ночная» связан с мотивами потустороннего мира – как антипод ясности, света, дня» [17, с. 4]. Ночная жизнь для героев романа куда ярче и значимее дневной. Тем самым Модiano ставит вопрос о ценности «дня», под которым прочитывается рациональное и рационалистическое отношение к жизни. Он создает свои романы в эпоху, когда идея смерти утрачивает сакральную составляющую, будучи часто вписанной в пространство абсурда и необходимости. И в этом контексте ночь становится пространством тумана и памяти, в которое погружается герой. Это пространство сочетает непознанное в жизни и в себе, а также стремление понять это [17, с. 5]. То есть это пространство беспрестанного поиска.

В романе Модiano – отголоски романтического мира и убийства, которое совершено по неясным мотивам, скрытой любви и нежности, оставившей неизгладимый след в душе героя. В атмосфере романа сливаются день и ночь, прошлое и настоящее, безысходность и робкая надежда. Простое и обыденное слово «трава», вынесенное в название, придает новый вкус и смысл всему произведению. «Она привносит ощущение жизни и надежды, нечто живое и неистребимое, множественное, еще сохраняющее память о солнце, прорастающее вопреки всему и вся» [17, с. 7]. «Ночная трава» – эпопея «поисков утраченного времени», где память и время – почти сливаются воедино, приоткрывая жажду возвращения, а поиски смысла определяются его ускользанием.

Повествование начинается в районе Монпарнас. Безымянный герой бродит по улицам в попытках воссоздать в памяти события давно ушедших дней. Все обрывки своих воспоминаний он вносит в черный блокнот для заметок. Там, на страницах этого блокнота, появляются первые парижские адреса, играющие роль в жизни очередного героя Патрика Модiano.

Среди прочего – улица Монпарнас и отель «Юник». Отель расположен между районом Сен-Жермен и Латинским кварталом, в 700 метрах от Люксембургского сада. Это XIV парижский округ. Герой говорит о том, что в этих кварталах он всегда ощущал себя странно, «не оттого, что прошло много времени, нет – мне вдруг показалось, что другой я, мой близнец, по-прежнему живет здесь; он все так же молод и день за днем продолжает жить так, как жил то недолгое время я, вплоть до мельчайших подробностей» [6, с. 10]. Фасады зданий перекрашены в светлые тона – эта территория стала нейтральной. Герой задается вопросом, ходит ли по этим местам загадочный двойник, повторяя его путь изо дня в день, копируя каждый жест. Это мотив возвращения к годам ушедшей юности, невозвратимым и ностальгическим. Мотив, который мигрирует из одного романа Патрика Модiano в другой.

Герой этого романа бродит по кварталам и записывает обрывки информации, в дальнейшем он планировал назвать эти места

«Замонпарнассье». Он думает об Озере Варшавском⁵, который уже использовал это название. Патрик Модиано уделяет много внимания теме евреев в своих романах, поскольку его отец, Альдо Модиано, был евреем по национальности и пережил немало плохих ситуаций, связанных с этим фактом. Всю свою жизнь он сознательно пытался отгородиться от собственного происхождения. Акты агрессии по отношению к евреям или детям евреев видел и сам Патрик Модиано во время своей учебы в интернатах, где он водил дружбу с такими детьми. Еврейское происхождение было деталью туманного и размытого отцовского образа, поиском которого занимался писатель.

История главного героя романа по имени Жан начинается осенью, что неудивительно, так как Патрик Модиано неоднократно упоминал в разных романах о своей любви к этому времени года, которое, по его мнению, должно быть началом и совершенно не навеивает никакой грусти. «Был октябрь, воскресенье, почти вечер, и ноги сами завели меня сюда — в любой другой день я обошел бы район стороной. Нет, тут не паломничество. Просто по воскресеньям, особенно под вечер, время часто дает брешь. Нужно только уметь скользнуть в нее. Чучело пса, которого любил прежде. Проходя мимо одиннадцатого дома по улице Одессы и глядя на его грязноватые бело-бежевые бока — а шел я по другой стороне, — я вдруг почувствовал, что брешь раскрылась предо мной: будто щелкнуло что-то» [6, с. 11]. Герой сворачивает на улицу Одессы, направляясь к отелю «Юник», который когда-то играл большую роль в его жизни. Победоносная, с точки зрения Франции, кратковременная бомбардировка французским флотом Одессы во время Крымской компании в 1855 году привела к появлению улицы с таким названием на карте Парижа. Изначально этот город-переулок назывался *cité d'Odessa* и, в соответствии с первым законом топонимики, этим именем был назван недавно здесь возникший город торговцев-старьевщиков. В

⁵ Озер Варшавский родился в 1898 году в Сохачеве, в Польше, а умер в 1944 году в Освенциме. Он был писателем, автором романа на идише «Шмуглерс» («Контрабандисты»), в котором он описал жизнь польских евреев в период германской оккупации в Первую мировую войну.

преддверии Прекрасной Эпохи маленький переулок превратился в излюбленное место писателей, художников и прочих творческих личностей со всей Европы. После строительства вокзала и появления многочисленных дополнительных улиц, которые протянулись к нему, Одессой была названа одна из этих улиц (1881 год), которая пересекла cite d'Odessa: 184 метра дороги от бульвара Эдгара Кине до Монпарнасского вокзала. Особенной популярностью пользовалось кафе «Белый кот» - в 1907 году молодой Сомерсет Моэм встретил там героя своего будущего романа "Чародей" Алистера Кроули. В те годы там собирались артисты, писатели и художники. Это кафе также является местом встреч Жана с его загадочной возлюбленной Данни и, по мнению героя, это место отличается скукой и наличием многочисленных военных в морской форме. Многие известные и значимые места, расположенные на улице Одессы прежде, переехали в другие, более безопасные и центральные места Парижа. Сегодня cite d'Odessa больше нет, и вся улица укладывается в один квартал. Тем не менее, здесь по-прежнему расположены самые разные организации и строения.

Склонный к самоанализу, Жан убеждается, что время неподвижно и если скользнуть в брешь, то можно найти все совершенно нетронутым, на тех местах, где оно было оставлено. Те воспоминания, которые пробуждаются в герое романа, оказываются в его воображении вовсе не воспоминаниями. Идея двойника, который продолжает двигаться по застывшему в статичности городу, становится все более явной. Однако же сам герой не находит тех мест, которые когда-то были важны для него. Многих улиц уже нет: на их месте выросли высокие дома без единого зазора, они символизируют новую жизнь, к которой герой не испытывает интереса. Его черный блокнот хранит трепетное и все еще живое прошлое.

Самая большая загадка романа – уже упомянутая девушка Данни, ее настоящее имя, биография и «грязное дело», в котором она замешана. Именно ее историю вспоминает и пытается осмыслить Жан. Прогуливаясь по современному Парижу, он возвращается к преимущественно ночным

поездкам в 1966 году, где скрывается правда о Данни: настоящее имя, деятельность, та тяжелая тайна о двух выстрелах, которая принесла серьезные неприятности с полицией и необходимость в бесконечной смене документов. Наравне с Данни, такими же реальными знакомыми выступают для Жана люди, о которых он писал в своей работе: Ретиф де ля Бретон⁶, Тристан Корбьер⁷ и Жанна Дюваль⁸ («...имена тех персонажей — баронесса Бланш, Тристан Корбьер, Жанна Дюваль и еще Мари-Анн Леруа, казненная на гильотине 26 июля 1794 года в возрасте 22 лет, — звучат привычнее имен моих современников» [6, с. 19]).

В одну из своих прогулок, зайдя в книжный магазин на улице Одеон, Жан встретил там женщину, которая хотела продать книги своей «хозяйки». Образ этой женщины перекликается с теми знаниями о Жанне Дюваль, которыми обладал Жан. Ему кажется, что это она – живая Жанна Дюваль, по неясным причинам оказавшаяся в современности. «Едва увидев ее в книжном магазине, я решил, что это перевоплощение Жанны Дюваль или даже сама Жанна Дюваль. Высокий рост, выговор, сумка, куда она скидывала без разбора украшения, книги, деньги, — все соответствовало тем немногим подробностям, которые я вычитал о ней и записал в свое время на страницах черного блокнота» [6, с. 129]. Женщина говорит, что ее «хозяйка», в существование которой не очень-то верит продавец книг, живет в семнадцатом квартале и это тоже совпадает с представлениями Жана об этой

⁶ Никола Ретиф де ла Бретонн (1734-1806) - один из самых плодовитых французских писателей: издал более 200 томов произведений. Последователь Жан-Жака Руссо, известный произведениями, носившими скандальный характер из-за чрезмерной для своего времени сексуальной «раскованности» автора. Ввел в литературу тему жизнь плебейских слоев населения, а также предвосхитил многие идеи науки и техники.

⁷ Тристан Корбьер, настоящее имя которого Эдуард Жоашен Корбьер (1845 - 1875), французский поэт-символист и представитель группы «проклятых поэтов». «Проклятые поэты» (Les Poètes maudits) названы так по циклу статей Поля Верлена, который он посвятил отверженным и непризнанным поэтам, которые не желали и не вписывались в окружающий мир буржуазного успеха и добропорядочности. Выпустил на деньги отца свою единственную книгу «Кривая любовь» (Les Amours jaunes), которая не была успешной.

⁸ Жанна Дюваль (1820 - 1862), актриса, балерина, а также муза французского поэта Шарля Бодлера на протяжении двадцати лет. Бодлер называл ее «Черной Венерой», она воплощала в себе опасность, порочность, и экзотичность креольской женщины. Однако сама она так и не ответила на чувства поэта.

исторической личности. «Дата ее смерти так и осталась неизвестной, так что я думал, может, она никогда и не умирала. <...> Последнее свидетельство о ней принадлежит ее соседу, показавшему, что она живет в Семнадцатом округе, на улице Софруа. Это в глубине 17-го округа» [6, с. 130]. Жан последовал за ней к метро, обдумывая, стоит ли начинать разговор. В результате он окликает ее («Жанна») и она, обернувшись, смотрит на него с тревогой, прежде чем скрыться в метро и никогда больше не пересекаться с героем романа. В юности, чтобы заработать немного денег, Патрик Модиано тоже промышлял продажей книг, порой воруя их и искусственно придавая им вид антикварных экземпляров. Ситуация, описанная в книжном магазине, скорее всего взята из его личного опыта.

Игра с «временными брешами», в которые только нужно суметь попасть, развивается: из мыслей и воспоминаний она словно врывается в реальность, уже люди из прошлого, из далекого прошлого, ходят по улицам и встречаются с современными людьми. Таким образом, Париж будто бы живет вне времени и пространства, являясь местом, где могут столкнуться совершенно разные реальности.

Некоторые персонажи, которые играют довольно значимую роль в произведении, перекочевали сюда из других романов: Дювельц, описанный как «блондин с тяжелой походкой», упоминался в автобиографии Модиано, как и Жерар Марсьяно, другая «темная личность» из отеля «Юник», и инспектор Лангле, который встречает героя сначала для допросов, а затем случайно.

Информация о загадочном деле, детали которого старательно скрывают все замешанные в нем участники, собирающиеся ночами в «Шестьдесят шесть» и «Юник-отеле», открывается Жану в конце романа, когда инспектор Лангле в последнюю их встречу отдает ему папку с материалами дела. Но все его размышления и то, что узнает читатель, берется из блокнота в черной обложке. Из этих записок, составленных суеверным автором, многое остается неясным и даже ясное сохраняется в туманной дымке. 60-е годы в Париже

связаны с войной в Алжире и признанием независимости Марокко. Посетители отеля «Юник» также связаны с Марокко, кое-кто из них выступает против правительства, все они находились в поле зрения полиции.

О Данни Жан также оставляет короткие заметки в своем блокноте, как поступает и с людьми, которые жили в другом веке. «Я познакомился с ней в столовой университетского городка, куда часто ходил побыть один. Она жила в американском корпусе, и я не мог понять, с какой стати: ни американкой, ни студенткой она не была. <...> Я боюсь писать здесь полностью ее имя и фамилию, как записал тогда в блокнот: Данни Р., американский корпус, бульвар Журдан, 15» [6, с. 16]. Некоторая суеверность и осторожность героя (например, он не записывает время и даты встреч, так как они могут не состояться, почти не дает имен и каких-то вещественных фактов, которые могут иметь значимость, если будут прочитаны посторонним) сочетается со стремлением к точности: он детально отмечает адреса, номера домов, названия и такие мелочи, как цвет пальто, в которое был одет его знакомый.

Агхамури – общий знакомый Данни (состоял с ней в близких отношениях) и Жана, он же познакомил Данни с «шантрапой из отеля «Юник»», дал ей поддельные документы на имя своей жены и помог записаться в Санзье. Санзье – это построенный в 1964 году корпус Новой Сорбонны (Париж III), где обучение проводится по дисциплинам, в основном связанным с литературой и искусством. Он – один из значимых героев романа, который, неоднократно сталкиваясь с Жаном, проливает свет на историю, в которой сам Жан разобраться не может. Агхамури живет в марокканском корпусе и находится в ведомстве полиции, его считают двойным агентом, противником правительства, но, по его собственным словам, двойной игры не бывает.

Сомнения постоянно преследуют Жана, хотя он и не стремится как-то их развеять. Он живет одним днем, верит на слово и, по словам Агхамури, у него все еще «чистые руки». Будучи знакомым со всеми, поддерживая постоянный контакт с Данни, Жан, тем не менее, остается наблюдателем. Он

наблюдает не только за историями других, но является также сторонним наблюдателем за собственной жизнью. Впрочем, возможность проанализировать это представилась ему лишь спустя годы. Монпарнас и район отеля «Юник», где он бывал так часто, кажется ему каким-то темным пятном на карте Парижа. «...Они совсем не походили на студентов, и мне порой казалось, что та огромная, недостроенная громада факультета у пустыря где-то рядом с Монж на самом деле стоит в другом городе, в другой стране, в другой жизни. <...> Мне вечно было не по себе в здешних переулках. В самом деле, вид у них мрачноватый. <...> Мне кажется, после войны Монпарнас выцвел. “Ля Куполь” и “Ле Селект” еще сверкали редкими огнями на том конце бульвара, но квартал утратил свой дух. Душа и талант покинули здешние места» [6, с. 22].

Данни также не нравится эта часть Парижа. Она мечтает о том, чтобы снять более просторную комнату в XVI округе. «Там спокойно, и никто тебя не знает. И уж точно никто не найдет» [6, с. 23]. Тем не менее, она не признается в том, что опасается преследований. Примечательно, что Агхамури, живущий в XVI квартале, в свою очередь мечтает о возвращении в свою квартиру около «Дома Радио», где живет его супруга. «Дом Радио» – это комплекс зданий французского Дома радио, расположенный на правом берегу Сены у моста Гренель. Он был построен в 1963 году по проекту архитектора Анри Бернара, который выиграл международный конкурс, объявленный Французским радио, желающим собрать все службы под крышей единого комплекса. Это XV парижский округ. И для Агхамури это место кажется самым безопасным. Он хотел показать Жану свой дом и познакомить с женой, при условии, что тот забудет о людях из «Юник» и Данни, обо всех деталях, которые составляют повседневную и полную ужасов жизнь. «Он произнес слово “там”, точно имя далекой земли, укрытой от всех опасностей.

— В сущности, достаточно перейти Сену, чтобы забыть обо всем, что оставил на том берегу» [6, с. 91]. Жан не согласился с этим утверждением,

полагая, что недостаточно просто пересечь мост. Однако же позже он отмечает, что всегда становился спокойнее, когда переходил на другой берег. И эта идея перехода с одного берега на другой, которая меняет восприятие Парижа, Правый берег как символ безопасности и спокойствия – кочующий и объединяющий мотив романов Модиано. Правый берег – детство, лучшие воспоминания о младшем, рано умершем брате. Это всегда надежды на светлое будущее.

С каждым новым событием Жан погружается все глубже в самоанализ. Он анализирует себя, Париж и Париж в себе. «Мне теперь кажется, что я проживал тогда две жизни сразу: внутри одной, будничной, текла другая. Точнее, эта вторая, яркая, жизнь каким-то образом соединялась с повседневной, тусклой жизнью, придавая ей особое таинственное свечение, которого на самом деле в ней не было. Так бывает во сне, когда нам являются места, где мы бывали много лет назад: они вдруг принимают необычный вид, как та унылая улица Одессы или пахнущий метро кинотеатр» [6, с. 23]. Каким-то образом в нем пересекаются сразу три времени: время исторических личностей, о которых он впоследствии издал книгу; время Данни и марокканской истории, время его молодости; реальное время, в котором он читает черный блокнот и пытается осознать произошедшее и свое место в нем. Реальное время, в любой из периодов его жизни, кажется ему тусклым и получает свое свечение лишь обратившись в воспоминания. В то же время, он почти никогда не присутствует в реальности ментально, предпочитая раздумывать над произошедшим с позиции будущего. Внутренняя жизнь – это та жизнь, которая является для него яркой. Но все три жизни протекают в Париже, который по-прежнему остается вне времени. Изменения, которые происходят в нем, кажутся наносными, под слоем новой светлой краски сохраняется старая, отпечаток истории, которая никогда никуда не исчезает.

Общение с «темными личностями», за которыми «приглядывали» правоохранительные органы, не могло остаться незамеченным: Жана вызвали

на допрос. «В десять утра я пришел в отделение на набережной Жевр и долго прождал в кабинете. Я глядел в окно, на цветочный рынок и на фасад больницы Отель-Дье по ту сторону Сены. Стояло яркое осеннее утро, набережные были залиты солнцем. <...> Я же думал, что, возможно, сижу сейчас в здании, построенном на том самом месте, где повесился Жерар де Нерваль⁹. И если спуститься в подвалы, в одном из них окажется кусок улицы Старого Фонаря» [6, с. 27-28]. Сидя в полицейском участке, Жан думает о части улицы Старого Фонаря, сохранившейся внизу. И эта часть кажется ему более реальной и более значимой, чем сам полицейский участок, существующий здесь и сейчас.

Особенное внимание со стороны полиции доставалось посетителям кафе «Люксембург». «...Данни повела меня к устью улицы Мсье-Ле-Прэнс, и скоро мы оказались у той самой барной стойки в форме дуги, где другой ночью она была с Агхамури» [6, с. 30]. Данни называла это кафе «66», как и многие другие, кто посещал это кафе по ночам («она называла его “66” — близ Люксембургского вокзала, только оно и работает всю ночь» [6, с. 30]). Из обычного студенческого кафе в Латинском квартале оно превращалось в пристанище для «темных личностей», порой там устраивались полицейские облавы и посетителей увозили в фургоне. Жан видел Данни и Агхамури в этом кафе однажды ночью. Тогда же он подумал о том, что у них весьма близкие отношения.

Жан сравнивает кафе «Люксембург», называемое Данни и другими ночными посетителями «66», с западной. Все места, посещаемые им в те годы, ассоциировались для него с опасностью, поэтому в любом помещении он искал в первую очередь «черный ход». «В то время в ночном Париже было немало ярких огней, служивших приманкой, и я старался обходить их стороной. Когда же мне это не удавалось, я всегда был начеку и порой, заходя в бар, полный странного вида людей, сразу искал глазами пути к

⁹ Жерар де Нерваль был поэтом-романтиком, родившимся в 1808 году в Париже. 26 января 1855 г. был найден повешенным в небольшом переулке (ул. Старого Фонаря). Наиболее распространенная версия смерти — самоубийство, вызванное нуждой и психическим расстройством.

отступлению» [6, с. 31]. Посетители «Люксембурга» представляются герою мотыльками: «Мотыльки, прельстившись, слетелись на свет, но не разглядели западни. Мне кажется, когда мы вышли, я даже сказал ей на ухо: “западня” — и она улыбнулась» [6, с. 31]. Образ мотыльков фигурирует здесь не впервые: он упоминался также в «Кафе утраченной молодости», по отношению к обитателям «Конде», которых пытался структурировать и привести к свету при помощи «точек пересечения» один из второстепенных героев. Вероятно, это тот образ, которых подходит, по мнению Патрика Модиано, к людям, жившим в Париже тех лет. Это люди-странники, которые кидаются на свет, часто оказывающийся пламенем. Также этот образ подчеркивает противопоставление света и тени, который также значим в романах писателя. По словам Агхамури, сложно сохранить «чистые руки» и не подцепить чуму, когда общаешься с чумными. Люди, попадавшие в «66», будто бы начинали общаться с чумными. Сами того не понимая, прельстившись обществом и светом, они попадали в западню. Но это не было удивительно. «Если память меня не подводит, кафе “66” мало чем отличалось от отеля “Юник” или от других парижских мест, где я побывал в те годы. Повсюду в воздухе витала опасность, и это придавало жизни особый тон» [6, с. 39]. Этот «особый тон» упоминается Патриком Модиано в Нобелевской речи, когда он говорит о Париже периода оккупации. Запрет на свет в окнах с наступлением темноты, внешняя «нормальность» и предчувствие чего-то плохого в воздухе было отличительной чертой того времени.

Реальность, настоящая жизнь кажутся Жану скучными и серыми, заведомо изжившими себя. Но она получает новые краски, когда превращается в воспоминания. Воспоминания помогают восстановить мир в относительной целостности и неизменности. Переход из одного пространственного уровня в другой. «Я взбирался вверх по течению времени. Настоящее, где в тусклом свете один день сменяет другой, ничем не отличный от первого, так что начинает казаться, что уже пережил сам себя, — это настоящее было мне безразлично. Я верил, что вновь отыщу тот

ровный ряд деревьев и белую ограду. И снова пес медленно пойдет мне навстречу по аллее» [6, с. 44]. Ориентиры, которые герой торопливо пишет в блокнот, необходимы как опора для памяти, как маяки для «машины времени», способной перемещать его по линии собственной жизни. «Но я больше не боюсь его открывать — листая черный блокнот, я склоняюсь над своим прошлым. Этот оборот вызывает у меня улыбку. “Человек над своим прошлым”»¹⁰ [6, с. 53]. Что примечательно, ориентиры для памяти нужны не для того, чтобы восстановить какие-то события. А скорее для того, чтобы восстановить фон, фундамент, на котором были построены события. Сквозь туманность прошлого проступает Париж, на фоне которого разыгралась история Данни. И там же, в том Париже, который существует в памяти Жана, если действительно полно восстановить его, можно понять гораздо больше. Можно ответить на те вопросы, которые остались без ответа. И тем не менее, для героя нет «прошлого» и «будущего» в традиционном понимании. Он будто бы видит свою жизнь в целом, обращаясь к любому моменту из любой точки: «Для меня никогда не было прошлого и настоящего. Все сливалось, как в той пустой комнате, где забытая лампа горит ночами напролет» [6, с. 54]. Он сам, существующий как бы вне времени и пространства, приписывает аналогичную способность окружающим людям из разных эпох: «Определенно, не существует ни прошлого, ни настоящего. По записям в черном блокноте я могу восстановить из той работы несколько глав, где говорилось о баронессе Бланш, о Мари-Анн Леруа, погибшей на гильотине 26 июля 1794 года в возрасте 22 лет, о том, что представлял собой в годы Революции отель “Радзивиль”, о Жанне Дюваль, о Тристане Корбьере и его друзьях: Рудольфе де Баттине и Эрмении Куччиани...» [6, с. 55]. Он отмечает тот факт, что среди исписанных заметками страниц нет ни одной о веке, в котором он, собственно, жил, но стоит только перечитать записи – и все те ночи и дни, которые он провел за письмом, оживают, обретают краски, запахи

¹⁰ «Человек над своим прошлым» - это отсылка к наиболее известному авантюристическому роману Мориса Константэна-Вейера, за который он получил Гонкуровскую премию в 1928 г.

и звуки. Он сравнивает отел «Радзивиль» с «Юник», такое же сомнительное место, а Данни кажется ему похожей на баронессу Бланш, о которой он узнал из полицейских отчетов и дневника Казановы. Сходство Данни с баронессой Бланш не ограничивается одними только догадками и ассоциациями. Позже, получив документы с материалами дела, Жан узнает кое-какие детали: «Но при этом сама карточка выдана на имя Мирей Сампьерри, проживающей по адресу Париж, 9-й округ, ул. Бланш, дом 23» [6, с. 118]. Улица Бланш была названа в честь баронессы Бланш, которая когда-то проживала в тех местах.

В деревне не слишком далеко от Парижа, в Фейёзе, куда Жан уезжал с Данни, чтобы тайно пожить в загородном доме, он забыл свою рукопись. И именно эта потеря подтолкнула его к тому, что спустя несколько лет, сверяясь с черным блокнотом, он начинает восстанавливать написанное. «В сущности, я не жалею, что потерял тогда рукопись. Если б она не пропала, я бы не сел писать эти строки. Время исчезло, и все теперь заново: в руке у меня все та же ручка, и снова я заполняю листы своим почерком, то и дело поглядывая в черный блокнот. Мне понадобилась почти вся моя жизнь, чтоб вернуться к тому, с чего начинал» [6, с. 56]. Его жизнь, совершив круг, замкнулась. Это странствующий мотив, который наблюдается и в «Кафе утраченной молодости», когда Ролан ощущает «вечное возвращение», и в «Горизонте», когда Босманс начинает новую жизнь. Идея «вечного возвращения», как и Париж, является связующим звеном произведений Патрика Модяно.

Жан хочет снова посетить те места, которые играли роль в его жизни годы назад, во времена юности. Он хочет снова пойти в тот дом и в ту квартиру, где однажды оказался с Данни, чтобы забрать кое-какие вещи, и впоследствии забыл погасить свет в гостиной. Этот непогашенный свет, как символ вечного возвращения, влечет его сквозь мрак времени, отделяющего современность от момента в памяти. Жан сам предстает мотыльком, который стремится к пламени. «Но беда в том, что я не помню номера дома, а в том квартале все дома по проспекту Феликса Фора на одно лицо, что фасады, что подъездные двери, так что мне никак не узнать нужную» [6, с. 67]. Без каких-

либо отметок в черном блокноте, без конкретных ориентиров его память оказывается неверным другом. Все многообразие Парижа во всех временах сливается в одно неясное пятно.

Вспоминая о «темных личностях» из отеля «Юник», герой приходит к выводу о том, что время является в некоторых вещах непреодолимой преградой. Можно вернуться в прошлое или туда, где ты был когда-то, но взирать на происходящее придется через стекло, как смотришь на муляж или фотографию. «Или же просто нас отделяли годы, десятки лет: они застыли в прошлом, посреди холла в отеле “Юник”, и мы жили теперь в разных временах» [6, с. 77]. Никто, кроме самого Жана, не получает развития. В его памяти жить и путешествовать может только он сам, в то время как остальные люди, которые окружали его или занимали, навсегда остаются лишь в тех местах, где он встречался с ними, обреченные делать то, что делали в тот исключительный момент. Они живут в нескончаемом повторяющемся действии и, возвращаясь к ним из любой точки будущего, Жан находил и будет находить их в этот самый момент: застывших, зафиксированных памятью. То же самое происходит с городом. Париж, с которого снимается слой за слоем, предстает в том облике, который он имел в какой-то конкретный период времени. Магическим образом он соединяет в себе все прошлое, одновременно распадаясь на мелкие части, которые когда-то были для него основными: «Это моя мания — вечное стремление знать, что было в таком-то месте Парижа на протяжении веков, в разные времена, слой за слоем» [6, с. 80].

Агхамури встречается с Жаном тайно, возле университета, затем они прогуливаются вдоль Ботанического сада и говорят о Данни и «грязных историях», в которых все замешены в большей или меньшей степени. Ботанический сад расположен в V парижском округе и это самый старый район города. Район прилегает к Сене, из него по мосту можно перейти на Правый берег, который, как уже упоминалось, несет спокойствие. «Мы шли вдоль низких домов, выстроенных по периметру Ботанического сада. Мне

кажется, это была та его часть, где находился зверинец. Улица освещалась слабо, и каждую секунду из тишины и сумрака за оградой мог раздаться хищный рык» [6, с. 83]. Агхамури рассказывает Жану о фальшивых документах Данни, которые выданы на имя его супруги. Предупреждает о том, что связь с ней может быть опасна и полиция может «выйти на нее». Также он подтверждает тот факт, что живет недалеко от Дома Радио и он будто бы рад поговорить об этом.

Будучи ориентированным на наблюдение за прошлым из будущего, Жан является сторонним наблюдателем и в своей реальности. Он участвует в разговоре, бродит вдоль Ботанического сада, но будто бы отделен от собеседника невидимым барьером: «И теперь, когда я пишу эти строки, доносится до меня так же слабо, как голос диктора по радио, пробивающийся поздней ночью сквозь ворох помех. Думаю, уже тогда у меня было это чувство. Мне кажется, в то время я видел их всех будто через стекло аквариума, разделявшее нас, их и меня. Так во сне вы видите, как остальные переживают неопределенность настоящего, но вы-то — вы знаете, что будет. <...> По мере того как будут пробегать мимо станции, время отмотает годы вспять» [6, с. 95]. Находясь в прошлом, герой знает куда больше, чем может знать любой из существующих в то время людей. Парижское метро способно доставить человека в любую временную точку, порой Жан пользуется этим в своем воображении: «Я поведу его на станцию Жюсьё, и мы вместе проделаем обратный путь во времени. Мы выйдем на другом конце ветки, на станции Эглиз д'Отёй. Вечер спокоен, площадь почти по-деревенски тиха. Я скажу ему: «Ну вот. Вы в современном Париже. Вам больше нечего бояться. Все, кто желали вам зла, давно умерли. Для них вы недостижимы» [6, с. 96-97]. Современный Париж видится Жану безопасным местом, безопасным временем. Забрав человека из прошлого, его можно укрыть от всех бед. И, несмотря на то, что он встречает людей из прошлого в своей реальности, другим опасаться уже нечего. Станция Эглиз д'Отёй навевает на героя спокойствие, кажется далекой от Парижа и лишенной любых опасностей. Эта

часть Парижа отмечена своей иллюзорной отдаленностью от города и чувством спокойствия в нескольких романах Модиано, вероятно, причиной этому является то, что недалеко находится Булонь-Бийанкур, место рождения писателя.

У Жана, разумеется, есть собственное прошлое. Более далекое, чем то, о котором он пишет, сверяясь с блокнотом в черной обложке. У него есть детство, возвращаться в которое он не хочет. Однако же гуляя с Данни, он прекращал избегать мест из своего прошлого. «С ней мы гуляли по улицам, где прошло мое детство, по тем районам, которые сам я тогда обходил стороной из-за тягостных воспоминаний, — теперь же они не вызывают во мне никаких чувств, до того все в них переменялось» [6, с. 105]. Измененный Париж – это то, к чему приходит почти каждый роман Патрика Модиано. «Вечное возвращение» в новом Париже, старого города больше нет. Однако же улицы и дома будут хранить историю, которая разворачивалась в кварталах, моменты счастья тысяч людей, которые жили здесь.

«Мы можем перейти Сене и затеряться в чужих кварталах, и даже покинуть Париж, чтоб уехать к другим городам, к новой жизни» [6, с. 112 -113]. Все герои романов Модиано мечтают о новой жизни. И для всех она связана с идеей о том, что Париж для этого нужно покинуть. Все они верят в то, что существует возможность сделать это в любое мгновение, но практически никто в результате этого не делает. Париж затягивает, воспоминания бродят здесь просто по улицам. Можно перейти Сене, найти спокойствие и равновесие, но сбежать от Парижа нельзя. Несмотря на то, что Жан не верит избавление от всех проблем при пересечении Сены – ему становится легче, когда он оказывается на Правом берегу. «Она взяла меня под руку, и мы пошли по Королевскому мосту. Не знаю почему, но мне всегда становилось легко, когда я шел по нему над Сеной, переходя на правый берег» [6, с. 114].

Париж для героев Модиано является своего рода забвением, но в то же время он и способ бороться с этим забвением. Каждый персонаж находит

свой путь избавления от омута памяти. Кто-то желает расстаться с прошлым, кто-то, напротив, хочет иметь возможность в любое мгновение к нему вернуться. «С тех пор как я стал писать эти строки, мне кажется, что нашелся способ бороться с забвением. Нужно пойти в тот район Парижа, где не был уже тридцать, сорок лет, и провести там весь день, с обеда до вечера, но быть при этом настороже» [6, с. 131]. Там, по мнению Жана, вполне можно встретить тех, кто занимает мысли. Они могут появиться неожиданно, на перекрестке или парковой дорожке, потому что они никогда не исчезают. «Они живут теперь потаенной жизнью, которая только и мыслима здесь, в тиши, вдали от центра» [6, с. 131]. Центр – это «западня», опасность, то пламя, которое манит заблудших мотыльков. Но пережив свои личные трагедии, завершив свой заметный жизненный путь, они продолжают незримо существовать за пределами центра.

Та современность, на которой завершается роман, оказывается «современностью» двадцатилетней давности, когда однажды утром Жан вышел из здания суда Тринадцатого округа, куда был вызван. Зимой, около одиннадцати часов, он стоял на тротуаре у площади Италии, где не появлялся с весны 1964-го. Банкомат, которым он попытался воспользоваться, выдал сообщение «Извините, у вас недостаточно прав». И эта фраза приобрела для Жана особенную значимость. «Судьба желала, чтоб я задержался здесь, и с ней не следовало спорить. Быть может, я так и не смогу никогда покинуть этот район, потому что у меня недостаточно прав. От солнца и чистого январского неба было легко. Небоскребов в 1964-м еще не было, и они растворялись в прозрачном воздухе, чтобы уступить место кафе «Лунный свет» и низким домам бульвара де ля Гар. И я бы скользнул в параллельное время, где никто уже не достанет меня» [6, с. 132-133]. Уже тогда он ощущал те изменения, которые происходят в Париже, с удивительной ясностью и полнотой. Прошлое растворялось в воздухе, но, тем не менее, могло воздействовать на человека, удерживать его. Жану удалось скользнуть в параллельное время, как ему и хотелось. «Словом, я вернулся к исходной

точке, и если бы в 1964-м существовали банкоматы, то мне они выдавали бы то же сообщение: недостаточно прав. В то время у меня не было никаких прав, никаких оснований. Ни семьи, ни определенного класса. Я терялся в парижском воздухе» [6, с. 133]. Здесь снова появляется мотив «вечного возвращения», замыкается очередной жизненный круг и что-то начинается заново. Только в подобных обстоятельствах и в подобной атмосфере можно столкнуться с собственным прошлым и людьми, которые играли в нем какую-то роль. Там Жан встречается инспектора Ланглэ, который передает ему папку с материалами дела. Ланглэ тоже живет в нескольких временах одновременно. Будучи в отставке – не может отказаться от старых привычек допрашивать, а не беседовать. А стоя около Стоматологического института, на проспекте Шуази, возле дома 159, он погружается в детальные и яркие воспоминания о том, как была расстреляна напротив стены дома хозяйка кафе «Лунный свет». Впоследствии выяснилось, что ее смерть была ошибочной.

Данни родилась в Париже, на два года раньше Жана, о чем он узнает из папки с документами дела. Ее настоящее имя – Доминик Роже. Она проживала в XVI округе, куда и хотела вернуться. Как и писателя, ее влечет туда, где прошло ее детство. На улице Виктора Гюго, куда они с Жаном часто ходили после почты на улице Конвента, и где она встречалась с кем-то, кто давал ей деньги, она восемь месяцев провела в тюрьме Птит - Рокетт за кражу из магазина.

Париж, набережная Генриха IV, 46-бис – адрес, по которому произошло убийство (две пули, выпущенные в человека). Об этом деле говорил Жану Агхамури и выстрелы совершила Данни. Узнав правду из обрывочных фактов, представленных в полицейском отчете, Жан испытывает разочарование. Его предположение о том, что полиция проникает в самые глубины человеческих душ и уточняет самые маленькие подробности, оказалось ошибочным. О жизни Данни известно лишь то, что она родилась в

XVI округе, затем перебралась в XX, также в ее биографии фигурирует призрачный убитый и две шальные пули.

Данни покинула Париж в спешке, вместо прощания оставив записку, где указала свой настоящий возраст и сообщила о том, что они с Жаном больше не встретятся, чтобы не навлекать на него неприятности. Как и прошлые персонажи романов Модяано, Данни появилась из туманной дымки и исчезла в ней же, словно ее никогда и не было. Жизнь без возможного «завтра», люди, появляющиеся из ниоткуда и исчезающие в никуда, разговоры, прерывающиеся на полуслове – все это отзвуки прошлого, Парижа времен оккупации, того города, в котором развернулась история любви родителей Патрика Модяано. Жан и Данни – это подтверждение многочисленности таких историй. Случайные встречи, подобные этой, могут происходить только в определенных обстоятельствах. Они происходят в мире, где нет стабильности и уверенности. Однако для осознания этого факта нужно время.

История, которая описана в этом романе Патрика Модяано, разворачивается преимущественно на Левом берегу Парижа, в округах, примыкающих к Сене. Начинается она в районе Монпарнас, это XIV парижский округ, «нейтральная зона», по признанию главного героя романа. В «нейтральных зонах» практически ничего не происходит, а люди, живущие там, будто бы находятся в убежище, они потеряны для внешнего мира. Жан, в отличие от предшествующих относительно активно участвующих в событиях героев, является наблюдателем за жизнью других персонажей. Он также будто бы наблюдает за собственной жизнью, находясь за стеклом: ему чудится, будто бы его близнец, некто из прошлого ходит по тем же улицам, по каким ходит он, выполняя те действия, которые выполняет он. Сам же Жан в постоянном поиске «временных брешей», скользнув в которые, он получает возможность окунуться в прошлое и переосмыслить его. Одним из самых точных способов разыскать такую брешь – это вернуться в те места, где не был много лет, бродить по ним несколько часов, будучи предельно

внимательным. Иногда же такое перемещение происходит по чистой случайности.

Центральными местами для истории являются отель «Юник» и улица Одесса. Улица Одесса, изменившаяся почти до неузнаваемости за прошедшие годы, является для Жана тем местом, где ощущается веяние «новой жизни», еще один кочующий мотив в романах Патрика Модяно. Обычно «новая жизнь» появляется вместе с темными и загадочными личностями и событиями, «Ночная трава» не становится исключением – эти места являются фоном для отношений с Данни, они наполнены тайнами выходцев из Марокко, «грязными историями» и вопросами без ответов. По этим местам ходят даже те люди, о которых сам Патрик Модяно узнал от своих родителей и которых упоминал в своей автобиографии.

На улице Одеон Жан впервые сталкивается с личностью из далекого прошлого, Жанной Дюваль, которая пытается продать книги.

Корпус Санье, находящийся недалеко от Ботанического сада, в XVI округе, привлекает некоторых из «темных личностей». Это Правый берег Парижа, место спокойствия и умиротворения. Агхамури учится на этом факультете, он же помогает Данни изобразить там студентку. Однако же Агхамури мечтает жить в XV округе, на Левом берегу, со своей женой, полагая это самым спокойным и безопасным местом. Данни нравится XVI округ, там, по ее убеждению, «можно затеряться». Также это место ее рождения. Персонажи этого романа имеют разные впечатления от берегов Сены: Данни стремится на Правый берег, потому что все ее проблемы находятся на Левом. Агхамури и Жан предпочитают находиться на Левом берегу, хотя для Жана переход с Левого берега на Правый несет облегчение.

Кафе «66» или, официально, «Люксембург», находится в VI парижском округе. Посещение этого заведения было одной из причин проснувшегося интереса правоохранительных органов к личности Жана. В этом заведении, днем представляющем собой обычное студенческое кафе в Латинском квартале, ночью собирались «темные личности».

Атмосфера Парижа в этом романе, как и в других рассматриваемых произведениях Патрика Модiano, пропитана опасностью. Персонажи блуждают по городу, собираются преимущественно в Латинском квартале и знают друг о друге относительно немного. Жан, погруженный в прошлое и собственные переживания, будто бы рожден в неправильное время. Он – это типичный потерянный человек. Такова Данни, которая по несчастливой случайности оказалась виновна в убийстве, и Агхамури, который мечтает о спокойной семейной жизни. Волею обстоятельств они все оторваны от реальности: Данни и Агхамури бегут от своего прошлого, пытаясь перечеркнуть его и скрыть, а Жан, напротив, чувствует себя лучше в окружении людей, живших столетия назад. Период оккупации, о котором говорил Патрик Модiano и которому он обязан, по его собственному признанию, своим рождением, незримо проступает на страницах его романа. Люди тщательно, но безуспешно пытаются скрыть свое прошлое. Никто не произносит ничего до конца. Полицейские бдительно следят за теми, кто посещает нежелательные места, устраиваются облавы. В воздухе чувствуется опасность. Люди появляются и исчезают, двойственность, потрясшая Патрика Модiano в детстве в связи с неоднозначностью имени его отца, становится нормальной в реальности его романа. Истории, разворачивающиеся на улицах Парижа, составляют историю самого города. Он будто бы определяет судьбы людей, живущих в нем – они все вынуждены скитаться и путаться в узких кварталах, без возможности выбраться, без возможности понять себя или разобраться в своей жизни. Они вечные странники, обращенные в расплывчатое прошлое, и за каждой человеческой судьбой просматриваются судьбы десятков и сотен других людей. Таков Париж Модiano и таковы люди, которые его населяют.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ПАРИЖА В АВТОБИОГРАФИИ П. МОДИАНО И РОМАНАХ 2007-2012 ГОДОВ

В третьей главе будет проведен сравнительный анализ Парижа в автобиографии (2005) Патрика Модиано и трех изданных впоследствии романов «Кафе утраченной молодости» (2007), «Горизонт» (2010) и «Ночная трава» (2012).

Берега Сены. В первую очередь стоит разобраться с Правым и Левым берегами Сены, переход между которыми играет значимую роль в каждом из романов. В жизни писателя этот переход тоже обладал несомненной значимостью. Как уже было отмечено, Патрик Модиано родился и провел большую часть детства и юности на Левом берегу, многие из воспоминаний о тех периодах жизни кажутся ему чуждыми и туманными, так было пережито много плохого, Левый берег создает преимущественно отрицательное впечатление. В то время как на Правом берегу, связанном с «новой жизнью», мечтами, надеждами, долгими прогулками с любимым братом, было много положительных впечатлений. Левый берег - это берег прошлого, неприятностей и воспоминаний, от которых хочется убежать. Правый же берег несет в себе новизну и возможность покоя, счастья.

В романе «Кафе утраченной молодости», где также существенно разделение Парижа Сеной на две части, атмосфера несколько меняется. На протяжении всего романа Луки стремится попасть как раз на Левый берег, в то время как другие главные герои - студент, детектив Кэслей и Ролан, - стараются перебраться на Правый. Луки, персонаж во многом автобиографичный, тем не менее, движется в противоположном направлении и видит мир иначе. И жизненный путь ее заканчивается трагично – она выбрасывается из окна. Для студента Левый берег – это способ избежать одиночества, провести время в компании людей, которые всегда в «Конде»,

пускай он ничего о них не знает. Детектив приходит туда только по рабочей необходимости, а Ролан следует за своей возлюбленной.

В романе «Горизонт» два центральных персонажа: Жан Босманс и Маргарет ле Коз. Они пересекают Сену по мосту Искусств, именно этот мост отмечал Патрик Модиано в своей автобиографии. Для Жана Босманса Левый берег символизирует прошлое и в первую очередь – мать, которая постоянно требовала деньги и пугала его. Правый берег символизирует для него избавление, но долгое время он все равно пребывает в страхе, что воспоминания настигнут его. В конце романа он избавляется от навязчивых идей и в небоскребах Левого берега видит обещание чего-то нового, исчезновение прошлых проблем, находит в нем положительные стороны. Маргарет ле Коз тоже ощущает себя спокойнее на Правом берегу Сены.

«Ночная трава» выделяет одного центрального персонажа и двух значимых. Главный герой, Жан, чувствует себя лучше на Правом берегу Сены, как и его подруга Данни, для которой Левый берег является пристанищем страхов и «темных дел», в которых она оказалась замешана. Агхамури же, второй из значимых персонажей, в некоторой степени, связующее звено между Жаном и Данни, мечтает осесть в XV округе, на Левом берегу Парижа. Для них всех переход с одного берега на другой несет облегчение, но направление, которое они предпочитают, оказывается противоположным.

Во всех упомянутых романах и автобиографии преимущественно использовались одни и те же парижские точки, поэтому дальнейшая систематизация будет ориентирована на округа. Те из них, которые не упоминались в романах или упоминались незначительно, исключены.

I округ (Правый берег) – здесь расположены Лувр, площадь Каррузель и сад Тюильри. Все эти места значимы для Патрика Модиано и упомянуты в его «Родословной» в первую очередь в связи с именем любимого младшего брата. Лувр упоминается также в «Горизонте», когда Босманс пересекает Сену по мосту Искусств, а двор музея служит укрытием

от прошлого. Также на авеню Опера Жан впервые сталкивается с Маргарет ле Коз и эта встреча становится началом самого яркого события в его жизни. В саду Тюильри гуляют герои «Ночной травы» и Жан пытается вспомнить, было ли это осенью или вокруг уже лежал снег. Для всех героев эти места обладают положительной атмосферой и дарят ощущение спокойствия.

IV округ (Правый берег) – упоминается в качестве «нейтральной зоны». Здесь расположена набережная Анжу, где проживал и прятался от реальности вместе с Луки Ролан, один из главных героев романа «Кафе утраченной молодости».

VI округ (Левый берег) – самый значимый округ Парижа, где разворачивается наибольшее количество событий. Здесь провел основную часть детства и юности Патрик Модино, проживая на набережной Конти, 15, о чем он пишет в своей «Родословной». В Сен-Жермен-де-Пре прошли томительные годы его учебы. На площади Одеон он гулял со своей первой возлюбленной, подругой матери, которая была старше него на десять лет. Это округ, где собрано наибольшее количество ярких воспоминаний из биографии писателя. С Одеона начинается «Кафе утраченной молодости», здесь находится кафе «Конде», вокруг которого разворачивается вся история. Пути всех героев сходятся в «Конде», для них всех VI округ становится важным местом. Упоминается также Сен-Жермен-де-Пре. Для героев «Кафе утраченной молодости» эти места заменяют дом, здесь царит атмосфера напряжения и опасности, но при сокрытии собственной жизни, правды о себе, это место, где создается иллюзия борьбы с одиночеством. Это так же округ, где провел свое детство Ролан. В «Горизонте» этот округ для главного героя связан с воспоминаниями о матери. Это автобиографический момент, поскольку безденежье присутствовало в жизни самого Патрика Модино, и мать также постоянно требовала от него материальной поддержки, что вынуждало его контактировать с отцом и просить финансовой помощи. На набережной Сены происходит одна из самых детально описанных встреч Босманса с его матерью, от которой он сбегает через мост и, оказавшись на

другой стороне, испытывает облегчение. В «Ночной траве» кафе «66» (официально – «Люксембург») находится в VI округе Парижа и является местом ночных встреч «темных личностей». Это стало причиной частых полицейских облав. Днем это обычное кафе в Латинском квартале. Для Жана это место ассоциируется с западней, Данни же отмечает, что это «не на Пигаль». Также в VI округе, на улице Одеон, Жану удастся скользнуть во «временную брешь», когда в книжном магазине он встретил женщину, похожую на Жанну Дюваль. Он подумал, что она и есть воплощенная, реальная Жанна Дюваль в современном мире.

VIII округ (Правый берег) – здесь находится проспект Ош, который упоминался в «Родословной» Патрика Модiano в связи с «темными делами», в которых был замешан его отец. Конторы черного рынка располагались на проспекте Ош.

IX округ (Правый берег) – второй из самых значимых округов на карте Парижа Патрика Модiano. Противопоставляется и является более «темным» и опасным местом, нежели VI округ с его Латинским кварталом. На границе IX и XVIII округов расположен квартал Пигаль, который для Патрика Модiano, как он писал в своей «Родословной», был одним из предвестников «новой жизни» и частым местом прогулок. Там же расположена площадь Бланш, где он «впервые стал мечтать о жизни для себя». В «Кафе утраченной молодости» такие же прогулки по этим местам совершает Луки, родившаяся в этом округе, и оказывается во власти аналогичных мыслей и мечтаний о новой жизни для себя. Площадь Бланш для нее – это граница, которую страшно пересекать, но, однажды сделав это, она лишилась возможности вернуться. Ее мать, как и мать Патрика Модiano, была связана с театром, и Луки совершала прогулки преимущественно по ночам, когда мать была на работе. Постепенно она уходила все дальше и дальше, чтобы однажды не вернуться. Образ Луки появился в воображении Патрика Модiano в одну из подобных прогулок. Также на площади Бланш студент встречает владелицу кафе «Конде», когда самого кафе уже не

существует, и узнает, что ей больше всего нравилась Луки. На улице Бланш живет некоторое время и Данни, одна из главных героев романа «Ночная трава».

XIII округ (Левый берег) – «нейтральная зона». Герой романа «Ночная трава», Жан, выходит из зала суда и в очередной раз ему чудится, что он оказался в прошлом. Фраза о недостаточности прав, которую упорно выдает банкомат, кажется ему символизирующей его жизнь в те годы, когда у него еще не было статуса, семьи, нормальной работы и прочих благ, которые положено иметь обычному добропорядочному французу.

XIV округ (Левый берег) – с рассказа студента, который живет здесь, в районе Монпарнас, начинается роман «Кафе утраченной молодости». Здесь же этот роман и заканчивается, когда, выйдя из больницы, где скончалась Луки, детектив Пьер Кэслей и Ролан прогуливаются по улице и беседуют. Некоторое время в преддверии, которое расположено в районе Монпарнас, проживала Луки. Для героев романа «Горизонт» в этом округе сосредоточены все основные страхи. Герой «Ночной травы» бродит в районе Монпарнас, изменившемся до неузнаваемости, утратившим любое очарование, и пытается припомнить события из своей жизни. Здесь находится отель «Юник» и улица Одессы, где чаще всего появлялись фигуранты марокканской истории.

XV округ (Левый берег) – округ, где находится Булонь-Бийанкур, место рождения Патрика Модiano («Родословная»). В двух его романах – «Кафе утраченной молодости» и «Ночная трава» - герои отмечают, что Эглиз д'Отёй, куда они приезжают, будто бы находится за пределами Парижа. Здесь уже нет никаких врагов, это самое безопасное и спокойное место в городе. Только в «Кафе утраченной молодости», где сильна связь с «Божественной комедией», это место является своего рода Адом, а в «Ночной траве» - место, где уже никто никому не причинит вред. Сюда мечтает перебраться Агхамури, чтобы забыть о тех «темных делах», в которых он оказался замешан, и снова жить со своей женой («Ночная трава»). Здесь расположена

площадь Шарля де Голля, она же «Площадь Звезды», недалеко от которой проживает Ролан («Кафе утраченной молодости») и с которой был тесно связан вопрос идентичности отца Патрика Модiano.

XVI округ (Правый берег) – адреса, упоминания которых фигурируют в «Родословной», связаны с фигурой Альдо Модiano и его противозаконной деятельностью. Также с этим округом граничит Булонский лес, одно из любимых мест для прогулок Патрика Модiano. Около Нейи и Булонского леса проживала некоторое время Луки («Кафе утраченной молодости»), которая, желая сбежать от прошлой жизни, вышла замуж. Корпус Санзье, возле которого происходит достаточно много значимых для сюжета событий романа «Ночная трава», находится в XVI округе. Агхамури учится в этом корпусе и дает поддельные документы Данни, чтобы она могла числиться американской студенткой.

XVII округ (Правый берег) – вероятно, одна из «нейтральных зон». Герой «Ночной травы» Жан упоминает, что Жанна Дюваль по некоторым источникам скончалась в XVII округе.

XVIII округ (Правый берег) – на границе с этим округом расположился квартал Пигаль, о котором уже упоминалось. Также в восемнадцатом округе находится холм Монмартр, одно из самых популярных парижских мест. Для Патрика Модiano («Родословная») это место является местом переосмысления жизни, для Луки («Кафе утраченной юности») Монмартр ассоциируется с Тибетом, достижение вершины которого завершается очищением. Пигаль упоминается в «Ночной траве», в качестве более опасного и «темного» места, нежели Латинский квартал.

XX округ (Правый берег) – мать Данни из романа «Ночная трава», по свидетельству полицейского отчета, перевезла ее в XX парижский округ вскоре после рождения. Жан пытался понять, для чего это было сделано, однако ни к какому определенному выводу не пришел.

Из всего вышесказанного следует, что шесть округов Парижа - II, III, VII, X, XII и XIX - в автобиографии Патрика Модiano и последующих трех

изданных им романах не упоминались или упоминались в незначительной степени. Преимущественно эти округа, судя по всему, представляли собой «нейтральные зоны», где не происходило ничего значимого, где жили люди, которые исчезали из жизни своих знакомых или прятались от своего прошлого, но также здесь можно было встретить тех, кто, казалось, давно покинул этот мир или этот город. Некоторые из упомянутых округов также подходят под понятие «нейтральных зон», там прятались центральные персонажи романов. Таким округом является IV, где на набережной Анжу проживал Ролан из «Кафе утраченной молодости», и, вероятно, XVII, где, по свидетельствам некоторых источников, скончалась Жанна Дюваль. В «нейтральных зонах» можно встретить людей из прошлого, скользнуть во «временную брешь», чем занимался главный герой романа «Ночная трава». Это случается с ним и в XIII округе, когда он, выходя из зала суда, пытается воспользоваться банкоматом и выясняет, что у него «недостаточно прав». Это вынуждает его задержаться, он полагает, что город сам хочет удержать его здесь. И, поддавшись этому, он встречает полицейского, который был участником самого яркого воспоминания в жизни Жана. XX округ тоже может претендовать на роль «нейтральной зоны», после того, как Данни («Ночная трава») покинула родительский дом и зажила собственной жизнью – она никогда не возвращалась в двадцатый округ и прочие потенциально «нейтральные зоны», также никогда не жила в спокойствии.

Из четырнадцати оставшихся парижских округов пять обладают в большей степени отрицательной характеристикой: VI, VIII, IX, XIV, XVI. Девять последних – преимущественно положительной.

VI округ играет самую большую роль в автобиографии Патрика Модяно, а также является центральным местом действия в «Кафе утраченной молодости», и одним из центральных мест в «Горизонте» и «Ночной траве». Вторым значимым округом становится IX, который периодически противопоставляется VI и является местом еще более

«темным». Наибольшее количество событий и сюжетных линий сводится к этим двум округам.

Топос пути, который просматривается во всех романах Патрика Модриано, входит в общую теорию пространственных координат культуры. Все персонажи писателя – в большей или меньшей степени странники, находящиеся в поиске своего прошлого, себя и своего места в этом мире. В человеческом сознании с дорогой связаны поиски судьбы и счастья, концептуальный архетип пути в его мифологическом измерении всегда соотносится с хаосом, который противопоставляется освоенному пространству, как природа противопоставляется культуре, а свое противопоставляется чужому [27, с. 1]. В религиозно-философской традиции «дорожная символика» взаимосвязана с идеями страдания, жертвенности и неустроенности. Для героев Модриано путь – это блуждание, лабиринт, при этом физический городской «лабиринт» дополняется еще и «лабиринтом» внутренним, они бесконечно путешествуют по собственной памяти без определенной цели и направления. Топос пути встроен в модель урбанистического мифа, так как персонажи обитают и странствуют по городу. Пространство в большей степени горизонтальное (переход через Сену, смена округов), имеет «лабиринтовый» характер, хотя в романе «Кафе утраченной молодости» присутствует элемент «многоуровневости» (Луки и Монмартр). Присутствуют переходные зоны пути – мосты, площади. Городские перемещения превращают путь в бесконечность, лишают его достижимой цели [27, с. 5]. По сути своей это становится блужданием ради блуждания. У Парижа нет строго определенного центра, который был бы значимым для героев всех рассматриваемых романов. Также каждый находит свой выход из этого пространства: кому-то удается вырваться и начать новую жизнь (Босманс и ле Коз в «Горизонте»), кому-то единственным выходом становится смерть (Луки в «Кафе утраченной молодости»), кто-то пропадает без вести (Агхамури, Данни в «Ночной траве»), а кому-то суждено вечно блуждать по улицам города без определенной цели (Ролан, Пьер и студент в

«Кафе утраченной молодости», Жан в «Ночной траве»). Но все свидетельствует о том, что Парижу суждено измениться. Рано или поздно блуждание превращается в воспоминания, старого города больше нет. Все произведения Патрика Модиано рассказывают об одном периоде в жизни города или человека, лишенном определенных временных рамок, проходящем, но неизбежном. И спустя годы человеческая память все равно стремится к этому замкнутому периоду, желая разобраться и осознать то, что осталось без ответа прежде. Открытые финалы романов подчеркивают повторяющуюся идею «вечного возвращения». После того, как поставлена последняя точка, жизнь пойдет на очередной круг, по улицам Парижа будут бродить новые люди, мучимые загадками памяти и призраками прошлого. Об этом писатель говорил в своей Нобелевской речи.

Все его герои – это отзвуки людей времен оккупации, желающие забыть тот период своей жизни, который ложится на их плечи неподъемной ответственностью и виной за то, что они выжили. В то же время они – это дети, рожденные в Париже периода оккупации, страшное время, когда все вокруг состоит из полуслов, «завтра» наступит не для каждого, собственная идентичность может стать причиной для ненависти или наказания. Это период случайных встреч и чудовищных расставаний, вопросов, ответы на которые никогда не будут найдены. Их детство прошло в желании узнать о том, что же случилось тогда. И страшная правда проступала в пронзительном молчании. В воздухе витала опасность. Париж того времени породил множество потерянных людей. Герои Модиано словно вышли из неоткуда, их память – память нации – бездонный колодец, в который они пристально вглядываются. Как сам писатель судорожно фиксировал случайные слова и факты, брошенные его родителями, так персонажи его романов пытаются записать то, что подкидывает их память. И Париж, как единственный «живой» свидетель всего произошедшего, хранит на своих улицах историю темного прошлого. Ее пытается разгадать Патрик Модиано, выписывая адреса, номера домов и телефонов, имена людей. Ее пытаются разгадать и его

герои, каждый из которых сделал собственный крошечный вклад в общую историю. Люди меняют имена, отказываются от своей личности, а Босманс, Луки, Данни, Жан и прочие являются своего рода совокупностью образов. Их голоса, звучащие от «я» рассказчика, сливаются воедино, они все в разных тональностях и с разными интонациями говорят об одном. Сквозь их ностальгические размышления, на примере их историй, в оглушительной тишине душевных криков проступает та правда и та истина, о которой нельзя сказать, но которую можно почувствовать. Они будто говорят от лица тех, кто сам никогда за себя уже не скажет. И они – это та история, которая хранится на изломанных линиях улиц французской столицы. Своими романами писатель отвечает в первую очередь на собственные вопросы.

Романы Патрика Модяно – уникальный и своеобразный путеводитель по французской столице. В его романах присутствует авторский стиль, состоящий из ностальгической грусти, романтического вымысла и туманной реальности. Персонажи, кочующие из романа в роман, незаметно растворяются во всепоглощающей дымке города, который является основным связующим звеном между произведениями. Все романы Патрика Модяно будто бы становятся одним большим ностальгическим повествованием о прошлом, а он сам, несомненно, самый парижский писатель современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В романах Патрика Модяно Париж выступает не только фоном, на котором разворачиваются события, но и одним из центральных персонажей. Городское общество, представителями которого являются герои романов Модяно, не представляют целостности, что приводит к сложностям в определении собственной идентичности, поскольку крупный город порождает явление «отчужденности» [13, с. 304]. Это актуально и для жизни писателя: время, в которое жили его родители, было неблагоприятно, отцу постоянно приходилось отказываться от своего еврейского происхождения, в результате происхождение и самого Патрика Модяно порождает больше вопросов, нежели ответов. Этой потерянностью характеризуются герои рассмотренных выше романов. Но, несмотря на это, они заведомо вписаны в пространство города, а суть взаимодействия города и человека сводится к сосуществованию различных положений об этом городе, которые обеспечивали бы устойчивость и стабильность городской идентичности в мире [13, с. 305]. Модяно создает свой Париж. Малоизвестные в истории дома и улицы получают большую значимость в интерпретации локальных событий. Они отражают тот город, каким видят его герои романов в своей повседневности. Их обычная жизнь, которая тоже создает некоторый внутренний городской облик, состоит из стертых воспоминаний и попыток их восстановить, скитаний по улицам, существования вне временных рамок, побегов от ужасов прошлого, самоанализа. «Архитектура - мощный канал воздействия на человека и его сознание, мировоззрение, поскольку именно она становится главной визуальной пространственной формой выражения и восприятия города» [13, с. 309]. Архитектура в романах Модяно, хоть и не обладает такой большой значимостью, тем не менее, влияет на восприятие читателя. Она большей частью выражается в характеристиках, которые дают разным парижским местам персонажи произведений. Любой архитектурный объект всегда соотнесен с человеком и его миром, его ценностями, в случае с

Модиано мы практически всегда видим Париж его глазами, а все характеристики, данные архитектурным объектам, отражают писательское мировоззрение.

В романах Модиано центральной темой становится не столько событие, сколько внутренняя жизнь героя. Для них всех личная драма является куда значимее того, что происходит в мире вокруг. И реальный Париж, высящийся вокруг, уступает Парижу внутреннему, важному по-настоящему. Это также отражение внутренней жизни писателя, для которого Париж времен Оккупации, место развития отношений родителей и его рождения, оказывается важнее современного Парижа. Скитания по городу, даты, факты, имена и адреса, старые справочники – все это, по признанию Модиано, сделало из него писателя. Он – такая же потерянная и ищущая личность, как все те, о которых он пишет в своих романах.

Париж Модиано – это весьма мрачное место, полное тайн и загадок, а также многочисленных человеческих воспоминаний, которые преследуют тех, кто попал в городские сети. Покинуть Париж не представляется возможным, хотя все герои мечтают об этом. Сама французская столица тоже неоднозначна и делится на два берега. Переход с одного берега на другой – важный момент во всех рассматриваемых романах, это тоже отсылка к писательской реальности. Для подавляющего большинства героев Правый берег Сены предпочтительнее Левого, это берег спасения, искупления, светлого будущего, новых надежд и неуловимых моментов счастья. Также они рождены на Левом берегу, там таится их чаще всего несчастливое прошлое, безразличные или жестокие родители, безденежье, требования, которым нельзя соответствовать. Те же немногочисленные герои, которые были рождены на Правом берегу, стремятся на Левый берег Сены, но конец их может быть весьма печален (например, Луки, покончившая жизнь самоубийством). Порой Левый берег получает и частично положительную окраску («Горизонт»), небоскребы, устремившиеся к небу, веяние цивилизации, окончательное «поглощение» старого Парижа заставляют

героев по-новому взглянуть на собственное прошлое. Несмотря на значительную разницу в восприятии берегов, переход с одного на другой – весьма осуществимая затея.

Большая часть событий разворачивается в VI парижском округе, родном округе Патрика Модиаго, где прошла большая часть его детства и юности. Родительский дом, недопонимание, угнетающая учеба, покрытые таинственным мраком родительские образы, безответственная мать и непредсказуемый отец, но в то же время моменты радости, вызванные общением с любимым и рано умершим братом, которому писатель посвятил все свои первые произведения – такой была жизнь Патрика Модиаго в VI округе. Там он лучше всего знает улицы и здания, там дает самые детальные описания и самые точные характеристики. Неоднозначное, но в большей степени отрицательное восприятие VI округа присуще его героям. Каждый из них перенял что-то, что представляло собой писательскую реальность в какой-то момент времени. И так как VI округ расположен на Левом берегу Сены, кажется очевидным, что герои, как и их создатель, стремятся перебраться подальше от темных мест прошлого, скрыться на улицах Правого берега, где сконцентрировано довольно большое количество нейтральных зон.

Идея вечного возвращения, фигурирующая во всех произведениях, отражает многочисленность подобных человеческих судеб, неумолимое течение времени, несомненное повторение каких-то событий и «вечность в мгновении». Париж – воплощение этой вечности, на его улицах одновременно живут истории тысяч людей, они впечатаны в мрачные стены, запечатлены слепыми окнами и они сосуществуют с ныне живущими горожанами, оставаясь в тени прошлого. Но они есть, они рядом, и если сбросить несколько слоев, оставленных годами, ко всем этим историям можно прикоснуться, можно прожить и понять их заново. Париж Модиаго – это целый мир, в котором кому-то тесно, а для кого-то его оказывается слишком много.

В «Кафе утраченной молодости» мрачный Париж, с центром недалеко от «Одеона». У него есть другая, «темная» сторона. Его обитатели – потерянные люди, скрывающие свои личности, уходящие в никуда и приходящие из ниоткуда. У них нет дома, поэтому они стремятся обрести чувство защищенности, собираясь в кафе, подобных «Конде». Некоторые из них пытаются конкретизировать свою жизнь, структурировать окружающий мир – так появляется «теория точек пересечения», которая, впрочем, не приводит ни к какому результату. Луки – «свет», вокруг которого собираются те, кому этого света не хватает. Они похожи на мотыльков. Луки светит все ярче и ярче, ее передвижения по Парижу становятся хаотичнее, и в то время как ее собственный свет разгорается – все вокруг погружается во тьму. В конце концов тьма поглощает ее, Луки не находит покоя, который в некоторой степени нашли другие герои романа. Она выбрасывается из окна, оставляя в памяти свидетелей своей жизни ожог в виде белого пятна. Париж в этом романе содержит в себе и Ад, и Чистилище, он так велик, что невозможно добраться даже до вершины Монмартра, ибо это – настоящий Тибет. Улицы «глотают» других героев, навсегда запечатлевая их истории и стирая их следы.

В «Горизонте» Париж строго поделен на две части и связан мостом Искусств – значимым мостом в автобиографии Патрика Модяно. Ле Коз пребывает в Париж извне, спасаясь от прошлого, и оказывается опутана городскими сетями. Без цели и направления она блуждает по столице, бесконечно меняя адреса, телефоны и места работы. Босманс тоже потерянный человек, чье существование сведено к переживанию одного события, одной любви, которая осветила его жизнь изнутри. Они сталкиваются на Правом берегу, вместе стараются перебороть то, что пугало их. На Левом берегу Босманс, как и Модяно, оставляет несчастливое детство и юность, требовательную и жестокую мать, ее мужа, который не видит в герое писателя. Он не возвращается на тот берег Парижа, где находится отчий дом. И лишь когда Ле Коз, не выдержав давления

собственных страхов, наконец, покидает Париж, Босманс, по прошествии многих лет, обретает покой. Левый берег меняется, и эти изменения заставляют его посмотреть на окружающий мир по-новому. Вместе с «поглощением» старого Парижа, рухнули рамки, удерживающие его на месте. Он видит веяние нового на Левом берегу и отправляется в Берлин, чтобы вернуть утраченную любовь и начать новую жизнь в новом Париже.

«Ночная трава» тоже показывает читателю мрачный Париж. В городе повсюду чувствуется опасность, в каждом помещении следует в первую очередь искать черных ход, а многоголосие, присутствующее в других романах, здесь сливается в единый голос рассказчика Жана. Он смотрит на всех словно через стекла аквариума и с каждой новой страницей становится понятно, это потому, что он смотрит на все происходящее из современного мира. В то время как события, которые так волнуют его, отстоят от нынешнего времени на долгие годы. Снова разделенный Париж, корпус Санзье как попытка замаскироваться и жить нормальной жизнью, загадочная Данни, душа которой отягощена преступлением, Агхамури, замешанный в политических интригах, ночная жизнь, которая оказывается куда ярче дневной. Париж «Ночной травы» куда больше отражает этот город периода оккупации, нежели другие романы Патрика Модяно. Присутствует кафе, ведущее «двойную игру», Латинский квартал, полный «темных личностей», полицейские участки – все это встречалось и в предшествующих романах писателя. И хотя рассказчик на сей раз один, он охватывает не только современность и прошлое, но еще и более далекое, историческое прошлое, в котором чувствует себя комфортнее всего. Человеческие судьбы, которые запечатлены на улицах города, получают физическое воплощение в случайно встреченных Жаном людях из прошлого. Разные кварталы поглощают его, рамки порой сужаются до размеров округа, поскольку у героя «недостаточно прав». В поисках правды и разгадки той истории, свидетелем которой Жан стал в молодости, он блуждает по своим воспоминаниям и улицам, которые играли важную роль, а Париж будто бы направляет его, подталкивает к

значимым встречам и новому пониманию происходящего. Жан, как и Париж, существует как бы вне времени, он обладает удивительной способностью «снимать слой за слоем» и видеть истину. Для него город – это большая книга, которую только нужно уметь прочесть. И несмотря ни на что, ему это удается.

Влияние воспоминаний, реального Парижа, в котором живет Патрик Модиано, его личных жизненных историй – очевидно. Автобиография отмечает те же самые места, которые активно фигурируют в его романах, в большинстве случаев они получают такую же эмоциональную окраску и восприятие, какое было присуще писателю. Модиано играет с парижскими штампами, пробуждая ассоциации, символы и знаки. В своих героях он описывает самого себя, а в окружающем городе – тот, каким его видели люди периода оккупации, его родители, и он сам. Таким образом, туристический взгляд на Париж, традиционный взгляд, меняется на взгляд обывателя, того, чья история стала одной из тех, что наполняют этот город. По словам Модиано, в какой-то момент он стал пленником своих воспоминаний, а его герои, несомненно, пленники того места, где эти воспоминания хранятся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Художественная литература

1. Модiano П. Горизонт. – М.: Текст, 2012. – 160 с.
2. Модiano П. Кафе утраченной молодости. – СПб: Амфора, 2009. – 160 с.
3. Модiano П. Ночная трава. – М.: Текст, 2016. – 160 с.
4. Modiano P. Dans le café de la jeunesse perdue. - Paris: Gallimard, 2007. – 149 p.
5. Modiano P. Discours à l'Académie suédoise. – Paris: Gallimard, 2015. – 40 p.
6. Modiano P. L'Herbe des nuits. – Paris: Gallimard, 2012. – 192 p.
7. Modiano P. L'Horizon. - Paris: Gallimard, 2010. – 171 p.
8. Modiano P. Un Pedigree. - Paris: Gallimard, 2005. – 122 p.

II. Научная и критическая литература

9. Алташина В. Д. Autofiction в современной французской литературе: лего из эго [Электронный ресурс]. - <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fphilol-journal.sfedu.ru%2Findex.php%2Fsfuphilol%2Farticle%2Fdownload%2F718%2F722&name=722&lang=ru&c=584af24be84e> – (Дата обращения: 07. 04. 2017).
10. Бахтин М. М. Автор и его герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб: Азбука, 2000. — 336 с.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 412 с.
12. Белова Н. А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник

- Югорского государственного университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 71-77.
13. Васильева М. С. Топос города: к вопросу о конструировании идентичности [Электронный ресурс]. - http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46785/1/klo_2017_035.pdf - (Дата обращения: 05. 05. 2017).
14. Кузнецова Е. В. Парижский текст Гайто Гадзанова // АСУ: Гуманитарные исследования, 2012. - №2 (42). – С. 223 – 229.
15. Кузьменко О. Н. О функциях переименования топонимов (на примере урбанонимов Парижа) // Сборник научных трудов: Язык и человек в фокусе современной науки. - Studia Linguistica. СПб: Политехника-сервис, 2014. - XXIII. – С. 63 – 70.
16. Кузьменко О. Н. Топонимика Парижа (лингвокультурологический аспект) // Сборник статей Международной научно-практической конференции 24 апреля 2014 г. «Актуальные проблемы научной мысли». – Уфа: Аэтерна, 2014. – Ч. 2. - С. 97-103.
17. Литвиненко Н. А. Ускользящие смыслы и мотив памяти в романе П. Модiano «Ночная трава» [Электронный ресурс]. - <http://mcmirlit.cfuv.ru/pdf/litvinenko-dokl.pdf> - (Дата обращения: 04. 05. 2017).
18. Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб: Искусство-СПб, 2000. – С. 297 – 334.
19. Ляпин С. Х. Концепты и топосы, или Еще один подход к пониманию и преподаванию философии // Современные подходы к преподаванию философии. - Архангельск: изд-во ПомГУ, 1998. – С. 19 – 27.
20. Мандель Б. Р. Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1981 – 2014): иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура). – М.: Директ-Медиа, 2015. – 785 с.

- 21.Набилкина Л.Н. Имагология города как способ выражения авторской позиции / Л.Н. Набилкина, Н.А. Кубанев // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 4-й международной науч.-практ. конф. - Махачкала, 2014. - С. 66-67.
- 22.Набилкина Л.Н. Культурологический образ города в отечественной и зарубежной критике // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 10. - С. 290-294.
- 23.Набилкина Л.Н. Культурологический образ города как цивилизационной модели / Л.Н. Набилкина, Н.А. Кубанев // Научный поиск. - 2014. - № 1 (11). - С. 40-42.
- 24.Набилкина Л.Н. Культурологический образ Парижа в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» // European Social Science Journal. - 2014. - № 1-1 (40). - С. 138-141.
- 25.Набилкина Л.Н. Образ города в мировой литературе // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 3. - С. 219-221.
- 26.Набилкина Л.Н. Париж в зеркале французской литературы // Мир науки, культуры, образования. - 2012. - № 1 (32). - С. 249-251.
- 27.Осипова Н. О. Мифологема пути в художественном пространстве «Петербургских повестей» Гоголя [Электронный ресурс]. - http://old.domgogolya.ru/storage/documents/readings/07/osipova_n_o_-_mifologema_puti_v_hudozhestvennom_prostranstve_peterburgskih_povestey_gogolya.pdf - (Дата обращения: 04. 05. 2017).
- 28.Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренб. гос. ун-та. - 2005. №11. – С. 87 – 94.
- 29.Пыхтина Ю. Г. К проблеме использования пространственной терминологии в современной литературоведении [Электронный ресурс]. - http://vestnik.osu.ru/2013_11/5.pdf - (Дата обращения: 07. 05. 2017) – С. 29 – 36.

30. Рубан А. А. Образ Парижа во французской литературе конца XIX – начала XX века. - Дис. канд. филол. наук: 10. 01. 03. – М., 2003. – 267 с.
31. Рудикова Н. А. Парижский текст в романе Бальзака «Отец Горио» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Материалы VII Всерос. науч.–практич. конф. молодых ученых (21–22 апреля 2006 г.) / Под ред. А.А. Казакова. - Томск: Изд-во ТГУ, 2007. – Ч. 2: Литературоведение. – С. 135–137.
32. Рудикова Н. А. Романтическая интерпретация образа Парижа в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» // Наука и образование: материалы IX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 6 т. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – Т. 2 – Ч. 1. – С. 153 – 158.
33. Субботина Т. В. Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий [Электронный ресурс]. - <http://www.lib.csu.ru/vch/239/040.pdf> - (Дата обращения: 05. 05. 2017). – С. 111-113.
34. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – С. 259 – 367.
35. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983 – 302 с.
36. Трофимова Ю. С. Особенности художественной целостности тотального романа Патрика Модiano [Электронный ресурс]. - <http://cheloveknauka.com/v/101336/d/?#?page=1> – (Дата обращения: 06. 05. 2017).
37. Туркина В. Г. Город как «топос» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. - Серия:

- Философия. Социология. Право. – Белгород, 2009. - №7, т. 57. – С. 73 – 79.
- 38.Фрай Н. Архетипний аналіз: теорія міфів // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / за ред. М. Зубрицької. – Львів: Літопис, 2002. – С. 142 – 172.
- 39.Шевякова Э. Н. Модификация романной формы во французской литературе ХХ столетия // Литература ХХ века: итоги и перспективы изучения. Вторые Андреевские чтения. - М.: Экон, 2004. - С. 145 - 150.
- 40.Шевякова Э. Н. Особенности постмодернизма во Франции // Вопросы филологии. - 2009. - № 2 (32). - С. 68 - 74.
- 41.Шевякова Э. Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы. - М.: МГУП, 2009. - 592 с.
- 42.Шевякова Э. Н. Современный французский психологический роман // Актуальные проблемы филологии. - М.: Институт иностранных языков, 1998. - С. 35 - 38.
- 43.Шевякова Э. Н. Французский психологический роман ХХ века. Традиции и современность // Филологический сборник. - М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. - С. 173 - 200.
- 44.Vando M. La mémoire et la fiction dans les œuvres romanesques de Patrick Modiano [Электронный ресурс]. - <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01262194/document> . – (Дата обращения: 15. 05. 2017).
- 45.Clément M. L. Patrick Modiano ou la solitude mémorielle [Электронный ресурс]. - <http://salon-litteraire.linternaute.com/fr/dossiers/content/1803246-patrick-modiano-ou-la-solitude-memorielle> – (Дата обращения: 03. 05. 2017).
- 46.Garcin J. Les 10 phrases clés du nouveau Modiano, commentées par Modiano [Электронный ресурс]. - <http://bibliobs.nouvelobs.com/>

romans/20141009.OBS1667/les-10-phrases-cles-du-nouveau-modiano-commentees-par-modiano.html – (Дата обращения: 15. 05. 2017).

47. Kohoutová K. Role du temps et de l'espace dans l'œuvre autofictionnelle de Patrick Modiano // Études romanes de Brno. – Brno, 2010. – P. 39 – 46.
48. Lefeuvre C. Histoire de Paris. Rue par rue. Maison par maison. Tome premier. - Paris: C. Reinwald et C^{ie}, 1875. – 519 p.
49. Modiano P. I became a prisoner of my memories of Paris... [Электронный ресурс]. - <https://www.theguardian.com/books/2015/oct/31/patrick-modiano-interview-paris-nobel> - (Дата обращения: 06. 05. 2017).
50. Modiano P. Je suis devenu comme un bruit de fond [Электронный ресурс]. - http://www.lexpress.fr/culture/livre/patrick-modiano-je-suis-devenu-comme-un-bruit-de-fond_852718.html - (Дата обращения: 06. 05. 2017).
51. Montfrans van M. Dante chez Modiano: une divine comédie à Paris. - Paris: RELIEF, 2008. - P. 1 – 21.
52. Rochegude de M.. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. Ier et IIème Arrondissement. - Paris: Hachette, 1990. – 273 p.
53. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. IIIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 118 p.
54. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. Ve Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 159 p.
55. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. VIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 177 p.
56. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. VIIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 119 p.
57. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. VIIIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 128 p.

58. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. Xe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 53 p.
59. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 52 p.
60. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XIIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 42 p.
61. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XIIIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 50 p.
62. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XIVe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 50 p.
63. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XVe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 55 p.
64. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XVIe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 119 p.
65. Rochegude de M. Promenades dans toutes les rues de Paris par arrondissement. XIXe Arrondissement. - Paris: Hachette, 1910. – 38 p.
66. Roux B. Figures de l'Occupation dans l'œuvre de Patrick Modiano. – Paris: L'Harmattan, 1994. – 334 p.
67. Ruth A. Le ton de Patrick Modiano: du roman ironique au roman affectif [Электронный ресурс]. - <https://uottawa.scholarsportal.info/ojs/index.php/revue-analyses/article/viewFile/770/672> . – (Дата обращения: 15. 05. 2017).